

Модно любить можно

Анна Богданова

Самый скандальный развод

«ЭКСМО»

2006

Богданова А. В.

Самый скандальный развод / А. В. Богданова — «Эксмо»,
2006 — (Модно любить можно)

У Мани Корытниковой все хорошо: новый муж, новая жизнь. Однако свадебное путешествие пришлось отложить. А все из-за родственников: они-то остались старые. Со всеми их бедами и закидонами. И вместо того, чтобы проводить с любимой женой медовый месяц, Манин муж вынужден решать их проблемы: искать сбежавшую бабушку, помогать матери, которой нужно срочно развестись с супругом, беспардонно изменившим ей с торговкой рыбой!.. Да еще и работать. Так что за весь месяц молодые – ни днем, ни ночью! – практически ни разу не остались наедине. Но разве это повод, чтобы подавать на развод?..

Содержание

Медовая неделя. День первый. Воскресенье.	8
Второй день медовой недели. Понедельник.	10
Третий день медовой недели. Вторник.	12
Четвертый день медовой недели. Среда	16
Пятый день медовой недели. Четверг.	24
Шестой день медовой недели. Пятница.	32
Седьмой день медовой недели (он же последний). Суббота.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Богданова Анна

САМЫЙ СКАНДАЛЬНЫЙ РАЗВОД

Автор спешит предупредить многоуважаемого читателя, что герои и события нижеследующего романа вымышленные.

В Венецию после свадьбы мы с Власом не поехали! И вовсе не потому, что поссорились и на следующий день собрались разводиться! Просто в моей жизни произошло два совершенно невероятных и неожиданных события.

Но нет, нет, нет! Все по порядку!

Пр... Пр...Прррр... Тьфу! Проклятый телефон!

– Да! Да! – раздраженно крикнула я. Надо же, такое хорошее начало оборвали! Можно сказать, на полуслове!

– Маша! Коротникова! Ты что, меня не слышишь? – это оказалась Любочка – мой редактор.

– Слышу, очень хорошо слышу, – моментально успокоилась я, крутя в руках бельевую прищепку.

– Я еще раз хочу тебя поздравить с законным браком и все такое... Но, согласись, с Кронским все-таки ты поступила не очень хорошо. Жаль его – не может перенести твоей свадьбы, все пьет. А какой талант! Какие детективы писал! Ну да ладно! Я звоню совершенно по другому поводу. Ты начала писать третью часть своих «Записок»? – спросила она, и мне показалось, что, если я скажу «нет», из трубки появится Любочкина рука и придушит меня.

– Сегодня с утра как раз и приступила.

– Ты послушай и прими к сведению то, что я скажу, – официальным тоном проговорила моя редактор. – Даже я запуталась в твоих родственниках, подругах и бывших мужьях! А ты представь, если читатель купит третью часть, не ознакомившись с первой и второй?

– И что? – недоумевала я.

– Да он вообще не разберется, кто кому приходится! Подумает, что книгу написала какая-то сумасшедшая о таких же ненормальных типах, как она сама.

– Так зачем читать третью часть, когда есть еще первая и вторая? – Я не понимала ровным счетом ничего.

– А это не тебе решать, какой именно том он купит! Ты напиши в начале третьей части краткое содержание первых двух! – потребовала Любочка.

– Это как?

– Как в сериалах – там ведь рассказывают, что происходило в предыдущих сериях!

«Вот глупость-то!» – подумала я и снова спросила:

– Это как?

Чувствуя, что терпение Любочки на пределе и нужно что-то немедленно предпринять, я вдруг схватила бельевую прищепку и, зажав ею нос (благо я предварительно разболтала ее, теребя в руках – так что теперь не было опасности задохнуться), заговорила интонацией известного переводчика многих знаменитых фильмов, чей закадровый голос узнает не одно поколение киноманов.

– Эту историю рассказывает сам автор – писательница любовных романов Мария Алексеевна Коротникова, – гундосила я в трубку. – Мне тридцать три года. Маму мою зовут Полина Петровна, а ее мужа, моего отчима, который старше ее на тринадцать лет, – Николаем Ивановичем. У них есть дом в деревне Буреломы (что находится в средней полосе России), где они проводят большую часть календарного года со своими двадцатью кошками. То есть проводили. Потому что кошек отправили в Германию, – я, почувствовав, что сама начинаю запутываться

в этой непростой истории, замолкла на минуту, поправила прищепку на носу и, услышав, как Любочка хихикает на том конце провода, продолжала: – Но не буду залезать вперед. Еще у меня есть бабушка – Вера Петровна Сорокина, которая сорок три года преподавала в интернате для умственно отсталых детей. Ей совсем недавно исполнилось восемьдесят восемь лет, и оттого я прозвала старушку Мисс Двойная Бесконечность...

– Объясни, почему, – перебила меня Любочка, давась от смеха – голос у меня и вправду был сейчас, как у того самого переводчика многих знаменитых фильмов, который узнает не одно поколение киноманов.

– Потому что перевернутая горизонтально восьмерка в математике обозначает бесконечность. У нее есть сын Жорик (старший брат моей мамы), у Жорика есть гражданская жена Зоя. Вообще-то мы с мамой между собой называем ее «гузкой» из-за поразительного сходства с жирной рождественской... нет не гусыней, а гузкой, с которой стекает жир. А вместе, как одно целое, эта пара называется Зожорами.

У меня есть друзья – Анжела, Икки и Пульхерия – наше содружество, основанное в те далекие времена, когда последняя из них (то есть Пулька) нередко подкидывала дохлых мышей в койку первой (то есть Анжелке), тем самым приводя в ужас воспитательницу младшей группы детского сада. А девять лет назад к нам примкнул мой бывший сокурсник – переводчик с французского, испанского и английского языков – Женька Овечкин, – нос нестерпимо болел, но я перевела дух и героически продолжала, – Икки – фармацевт, Анжелка Поликуткина (в девичестве Огурцова) – бывшая балалаечница, но сейчас в декретном отпуске по случаю рождения второго ребенка, Пульхерия – гинеколог. О Кронском, которого ты, Любочка, так жалеешь, – я перешла на личности, – я говорить не желаю – он мне изменил прямо в лифте с отвратительной коровой, а потом я застучала его с уборщицей на урне для окурков прямо у тебя под носом – в редакции.

Недавно я вышла замуж за Власа – внука хорошей бабушкиной знакомой, Олимпиады Ефремовны, с которым мы отдыхали двадцать лет назад на море, а моя подруга Икки – за Женьку Овечкина. Но это было после того, как Влас вызволил меня из холодного сарая злобной вдовицы Эльвиры Ананьевны, что живет неподалеку от Буреломов и торгует в рыбной лавке со своими чадами Шуриком и Шурочкой на центральной и единственной площади райцентра.

Именно по ее указке меня и похитили. Соседка по деревне – Нонна Федоровна Попова разболтала всем, что на территории нашего огорода находится неисчерпаемое месторождение нефти. Узнав сию новость, вдовица во что бы то ни стало решила стать нефтяным магнатом, из-за чего, собственно, и затеяла всю эту канитель с похищением – хотела прибрать к рукам нефтяные залежи посредством женитьбы своего полоумного сына Шурика на мне. А пока мамаша с Николаем Ивановичем тщетно разыскивали меня в Москве, Эльвира Ананьевна, втесавшись в доверие, вызвалась присмотреть за кошечками и вместе с бездомными, подобранными нами на помойке зверушками, отправила в немецкий приют и мамашиных пушистиков. Однако, к ее великому огорчению, вместо залежей нефти на нашем участке обнаружили залежи жидкого органического удобрения животного происхождения, потому что когда-то на месте нашего огорода располагался колхозный коровник. Но вдовица и тут не растерялась – решила торговать навозом на обочине дороги, – у меня было такое ощущение, что еще минута, и бедный мой нос отвалится, поэтому я сказала: – Подробнее смотри первую и вторую части эпопеи. Конец фильма. – И, отцепив прищепку, я посмотрелась в зеркало – нос был пурпурным, как у беспробудной пьяницы.

– Вот так все и напиши! – Любочка еще хихикала. – Да, кстати, подумай и о любовном романе. Нельзя же писать только о себе. Пока.

«Так и напиши! – возмущенно подумала я, проверяя, на месте ли нос. – Да ни за что!»

Поехали дальше!

Так вот. Сразу после свадьбы Власик взял отпуск на неделю, и мы решили провести это время, лежа в постели, наслаждаясь друг другом. В Венецию же мы подумываем отправиться в самое ближайшее время – когда мой муж (как непривычно звучит – «мой муж»!) наладит все дела у себя в автосалоне, а также поможет своему старшему коллеге по бизнесу – Илье Андреевичу – в разрешении некоторых щекотливых вопросов. Вот тогда-то он уйдет в нормальный, так сказать, полноценный отпуск на месяц, и мы наконец рванем в Венецию, где я мечтаю очутиться больше, чем в какой бы то ни было точке земного шара. Уверена, что это самое загадочное и неповторимое место на свете! Хотя Влас и утверждает, что лучшее время для поездки туда – май, потому что именно в это время года там отсутствуют запахи разложения (он как-то так и выразился «запахи разложения»), но я ему не верю. В моем воображении воздух Венеции сохранил тонкие ароматы духов, которыми пользовались средневековые куртизанки, соблазняя вояжеров. И точка!

Ну что ж, а сейчас у нас наступила медовая неделя. Тоже неплохо – поваляться в дождливую погоду в кровати с любимым человеком, к тому же с законным супругом (нет, все-таки эти словосочетания «официальный муж», «законный супруг», бесспорно, режут ухо).

Первая брачная ночь у нас прошла не самым лучшим образом – вернее, не так, как она должна была пройти. Влас не подхватил меня на руки и не отнес в спальню – в ту ночь (точнее сказать, утро) я дошла до постели на своих двоих полусогнутых от усталости ногах, после того как закончила вторую часть «Записок» и отправила текст по электронной почте Любочке, в то время как мой благоверный уже разглядел все свадебные подарки и спал безмятежным, младенческим сном. «Зачем будить человека? Ведь у нас впереди вагон времени – целая неделя!» – подумала я и, беззвучно раздевшись, легла к нему под бочок.

Медовая неделя. День первый. Воскресенье.

Сквозь густую пелену сна я почувствовала, как кто-то провел по моей ноге чем-то холодным.

– Уы-ы-у! – не то простонала, не то прорычала я.

Приоткрыв левый глаз, я увидела перед собой кисть красного винограда.

– У-у-у! – снова заголосила я и забралась с головой под одеяло. Не знаю, сколько было времени, но я смертельно хотела спать.

– Машка, вставай! – голова Власа оказалась тоже под одеялом.

– Я посплю чуть-чуть, капельку, – невнятно пробормотала я, боясь, что сон уйдет и целый день у меня будут воспаленные глаза и тяжелая голова.

Я снова задремала, мне даже Венеция приснилась, как вдруг Влас подпрыгнул на кровати и воскликнул:

– Черт!

– Что случилось? – Я мгновенно проснулась.

– Я сел на этот проклятый ледяной виноград!

– Встань немедленно, а то придатки застудишь! – не помня себя, закричала я – моя любовь уставилась на меня, как на сумасшедшую. – Ну, я спросонья плохо соображаю. Пулька так всегда говорит: «Не сиди на холодном, а то придатки застудишь», – выкрутилась я.

– Маш! Ты мне объясни, что у нас за брачная ночь такая?! Никакой романтики! – насутился Влас. – Всю ночь просидела за компьютером, спишь до полудня!

– Да ладно тебе, у нас полно времени! – утешила я его и, чтобы поднять ему настроение (ну, может, и еще кое-что), принялась намазывать на себя раздавленные ягоды. Он смотрел на меня, не понимая, что от него требуется, а может, думал, что я наношу питательную маску на все тело. – Целуйте меня, кружите меня, обнимайте меня, любите меня! – завопила я и неожиданно для себя завалилась на подушки и загоготала, как лошадь.

– Маш! Ты все белье перепачкала!

– Перепачкала! Эх, ты! – разочарованно протянула я, глядя на красно-бордовые пятна от винограда. – Просто я девственница! Иди ко мне, мой нытик! Иди сюда, моя чистоплюйная душа! Иди к своему поросенку! – тараторила я, не в силах остановить неприличный хохот – такое впечатление, что виноград оказывал на меня смехотворное действие.

– Дурочка! – засмеялся он и, набрав в рот воздух, нырнул под одеяло и уткнулся мне в живот. Я больше не могла сдерживаться и загоготала на всю квартиру:

– Щекотно! Ха! Ха! Ха! Хо! Хо! Хо! Пусти!

Вывернувшись, подобно змее, я съехала с шелковой простыни на холодный паркет, тут же вскочила и вылетела пробкой из комнаты.

– Куда?! Куда?! – недоуменно кричал Влас из спальни.

– Догоняй! Сейчас не догонишь – закроюсь в ванной! – ультимативно орала я из кухни.

Мы гонялись по квартире, как два ненормальных, сошедших с ума перерослых «дитятки», пока я не услышала грохот и отчаянный возглас любимого:

– Чертов виноград!

– Что случилось?

Влас сидел у кровати на том самом месте, на паркете, где до него уже успела посидеть я.

– Поскользнулся! – Он держался за поясницу.

– Согни ноги, руки! Встань! – с тревогой в голосе приказывала я. – Ничего не сломал? Где болит?

И тут неожиданно Влас схватил меня и опрокинул на кровать.

– Так нечестно! Это была уловка! Я не согласна! Догоняй! Хитрая бестия!

– Я победил! – с достоинством заявил Влас и сел на меня верхом в знак превосходства над проигравшей стороной. – Теперь не отвертись!

Пр... Пр... Прррр... Противно задребезжал телефон.

– Что им от нас нужно?! Вот ты мне скажи! Кому мы понадобились?

– Никому, просто ты схитрил, а бог шельму метит! – с наслаждением заметила я.

– Тьфу! – плюнул Влас и вышел из спальни, а через минуту я услышала: – Да, Илья Андреевич, конечно, Илья Андреевич. Как можно?! Конечно, я проверю! Когда? Через полтора часа уже быть на месте? – В голосе Власа прозвучали печальные нотки. – А можно я с Машей приеду? Грязь? Мат? Мужики? А, ну если конфиденциально, тогда понятно. Документы готовы? Хорошо, я сейчас же выезжаю. Да, обязательно позвоню, как приеду. Понял. Понял. Все понял, Илья Андреевич, выздоравливайте и не волнуйтесь, вам это вредно.

Я, обмотавшись испачканной простыней, вышла в коридор и спросила:

– Что случилось?

– Илья Андреевич приболел – старика мигрень совсем замучила, да и сердечко что-то барахлит. Попросил меня подъехать, проконтролировать поставку крупной партии автомобилей из-за границы. Это очень большая честь для меня! – ревностно заключил Влас.

– И когда ты вернешься?

– Вечером. Не расстраивайся! К тому же ты сама сказала, что у нас еще полно времени! Ты ведь знаешь, что я не могу отказать Илье Андреевичу и как много он для меня значит!

Да, я прекрасно знала, что Влас имеет какую-то ненормальную слабость к своему старшему коллеге с изуродованным родимым пятном фиолетового цвета лицом, жизнь которого, по его словам, сопоставима лишь «с судном посреди морей, гонимым отовсюду вероломными ветрами». Также трепетно он относился только к своей бабушке – Олимпиаде Ефремовне, близкой подруге Мисс Бесконечности.

– Конечно, – равнодушно проговорила я – мне очень не хотелось отпускать Власа сегодня. Я мечтала провести этот день вместе, гоняясь и хохоча по его огромной квартире.

– Дорогуша! – крикнул он из ванной. – Я приеду, и мы вечером пойдем в ресторан. Обещаю!

Через десять минут мой законный муж стоял уже одетый и готовый к контролю крупной поставки автомобилей из-за границы. Он чмокнул меня напоследок и исчез в лифте. Мне ничего не оставалось, как принять ванну, поменять испачканное виноградом белье и досмотреть сон о Венеции.

Проснувшись я, когда за окном было совсем темно. «Где я? Что сейчас – ночь? Утро?» – крутилось в голове. Тут я вспомнила о звонке Ильи Андреевича, о его просьбе, о ресторане и, вскочив с кровати, включила свет. Десять часов вечера. Я бросилась к гардеробу и принялась судорожно выбирать платье для похода в ресторан. Пока я причесывалась, одевалась, собиралась, стрелки часов плавно и незаметно переместились на полтора часа вперед, и показывали половину двенадцатого. Власа все еще не было. Я позвонила ему на сотовый, но «мой абонент» был временно недоступен. При полном параде я просидела до четырех утра. В пятом часу с той стороны двери повернулся ключ, и на пороге появился Влас – усталый, истерзанный, по колено перепачканный в глине – такое впечатление, что он на себе тянул откуда-то из Подмосковья в автосалон Ильи Андреевича каждую машину из крупной зарубежной поставки.

– Что произошло? – спросила я.

– Все в порядке. Я выполнил возложенную на меня Ильей Андреевичем миссию, не уронив чести и достоинства.

– Это самое главное, самое главное! – горячо, с пониманием проговорила я и, раздев его, помогла добраться до кровати. Через минуту спальню заполнил прерывистый нездоровый храп.

Второй день медовой недели. Понедельник.

На следующее утро я приготовила нехитрый завтрак, пока мой супруг-трудоголик еще спал, и поставила поднос на кровать прямо у него перед носом, чтоб запах кофе вывел его из состояния забытья и заставил обратить наконец внимание на свою женушку. Сегодня я даже не стала бы от него бегать – сдалась бы без боя! Минуты две я смотрела на посапывающего Власа, разглядывая его тяжеловатый подбородок – упрямый и настойчивый, коротко подстриженные волосы ежиком, припухлые веки. И тут совсем не к месту мне вспомнился Лучший человек нашего времени, как его назвала пресса, – Алексей Кронский: зачесанные назад выющиеся светло-русые волосы, брови с изгибом, почти черные, соболиные, нос чуть похожий на клюв хищной птицы... Даже запах его любимой туалетной воды стоит в носу... «Глупости какие!» – удивилась я сама себе, как вдруг Власик выпростал из-под одеяла тяжелую расслабленную руку и уронил ее со всей силы на поднос с дымящимся кофе.

– А-а-а! – завопил он и вдобавок подпрыгнул на кровати – поднос перевернулся, и горячий кофе выполнил возложенную на него функцию – он окончательно разбудил моего благоверного, ошпарив его детородный орган. Влас орал нечеловеческим голосом.

– Дай я подую, дай подую! – суежилась я. – И что за идиотская привычка прыгать на кровати!

– А что за дурацкая идея приносить кипяток в постель! – взвыл он и убежал в ванную. Я нашла в холодильнике спрей от ожогов и забарабанила в дверь.

– Власик, возьми, попрыскай вот этим препаратом! Это очень хорошее лекарство, с маслом облепихи! – Из ванной комнаты высунулась рука и со злостью схватила баллончик. Я стояла, с трепетом ожидая выхода искалеченного мужа в коридор. – Ну, что? Как там? – со страхом спросила я, указывая на поврежденный орган под полотенцем.

– И ты еще спрашиваешь?! – укоризненно проговорил он.

– Ты нанес лекарство?

– Сразу надо было наносить! – трагично заметил он и враскоряку направился на кухню.

«Все! Я потеряла мужа, – с ужасом думала я. – Теперь он останется мне просто другом и не более того! И зачем я только принесла ему этот проклятый завтрак в кровать? Никогда не было у меня такой привычки!»

– Власик, прости меня! Я ведь хотела как лучше, хотела сюрприз тебе сделать!

– Считаю, что тебе это удалось! – со злостью бросил он.

– Ну, знаешь что! – вспыхнула я. – Я не виновата, что ты своими нерефлексивными действиями опрокидываешь чашки с кофе, который с любовью варит для тебя жена, и что ты прыгаешь на постели, как молодой козлик! И это не дает тебе права так безобразно относиться ко мне на второй день нашей медовой недели! – Я сделала вид, что страшно обиделась, и ушла в кабинет.

Достав с полки первую попавшуюся книжку, я залезла в кожаное кресло с ногами. Из тех двадцати страниц, что прочла, я не поняла ровным счетом ничего, и не потому, что книга была какая-то заумная – нет, я размышляла о том, какое место в супружеской жизни занимает секс и можно ли без него обойтись вовсе. На двадцать первой странице в кабинет вошел Влас (если то, как он появился, можно назвать «вошел» – скорее он вполз) и воскликнул:

– Опять ты загибаешь страницы в книгах! Ты что, никогда не слышала о существовании закладок?!

– Не срывай на мне зло! Я знаю, что ты добрый и тебе наплевать на книги – ты их все равно не читаешь! Иди ко мне, мой бедненький мальчик! Покажи своей дурочке Маше, что у тебя болит!

– Не покажу!

– Поехали к Пульке в больницу! – вдруг выдала я.

– Она же гинеколог!

– Какая разница! – воскликнула я, но тут же поправилась: – Она ведь не в женской консультации работает, а в больнице! Что у них там, уролога, что ли не найдется?

– Не поеду, – категорично сказал он.

– Почему это? Приятно ощущать себя жертвой? – съязвила я.

– Не собираюсь я показывать всем подряд свои сокровенные части тела! Не поеду! – отрезал он и заковылял в спальню.

Остаток дня Влас провалялся в постели, а я то и дело просила прощения и спрашивала:

– Ну, как там дела, не получше?

Судя по тому, что ночью мы спали как брат и сестра, отвернувшись друг от друга, дела *там* были не получше.

Третий день медовой недели. Вторник.

Состояние моего любимого оставалось критическим до середины дня.

– Может, действительно стоит обратиться к врачу? – робко спросила я.

– Я сказал – нет! – рявкнул Влас, но буквально через час после этого моего предложения он перестал ходить враскоряку – походка его с каждым шагом становилась все увереннее, и жертва горячего утреннего кофе вскоре примирительно сказала: – Ладно, Маш, я тоже был неправ. Ты ведь хотела как лучше... Иди сюда!

Я на цыпочках, боясь причинить ему страдания, прокралась к кровати и осторожно села рядом. Влас страстно привлек меня к себе, поцеловал – я не менее страстно попыталась помочь ему раздеться...

– Ой-й-й! – закричал он.

– Что такое? – Хоть вообще не прикасайся!

– Боюсь, Маш, что сегодня я еще не совсем готов... Ничего, наверное, не получится, – разочарованно пробормотал он.

– Ничего страшного, я все прекрасно понимаю! Ты перенес такую травму... Шутка ли!

– Слушай, а поехали в ресторан?! Я ведь тебе обещал!

– Поехали! – мгновенно согласилась я и полетела собираться.

Подняв волосы вверх и прицепив любимую перламутровую заколку, я завила кончики прядей щипцами. «Надо же, как волосы отросли! Стричь или не стричь?» – размышляла я, просматривая гардероб. Как всегда – одна и та же проблема – в чем пойти? Вроде бы нарядов много, а надеть нечего – в синем платье слишком выхвачена пройма, на изумрудном – жирное пятно от курицы, черное – как-то слишком уж траурно и к тому же последнее время этот цвет мне не особо идет... Вот! Платье перламутрового цвета! «Нужно отталкиваться от любимой заколки!» – решила я, хотя заколка была не видна за волосами, но платье сидело на мне великолепно – так, что, покругившись перед зеркалом, я понравилась сама себе.

– Поехали! – сказала я. Влас оглядел меня с головы до ног и вдруг нерешительно проговорил:

– Маш, а ты не могла бы надеть что-нибудь другое?

– Почему? Что-то не так с платьем? Я не понимаю!

– Ну... – замялся он. – Оно слишком откровенное.... Вырез – почти декольте... И потом, видны все твои прелести... На тебя будут все пялиться, а я этого не перенесу!

– Глупости какие! – фыркнула я. – Это самое закрытое и целомудренное платье в моем гардеробе! Может, мне паранджу надеть?! Сейчас договоришься до того, что я вообще никуда не поеду!

– Хорошо, – смирился Влас, – но если мужики будут пожирать тебя глазами, я за себя не отвечаю!

«Господи! Кому я нужна, чтобы пожирать меня глазами! Мне тридцать три года! Мало, что ли, девочек молоденьких? Нет, все-таки Влас такой чудной! А может, ему подсознательно хочется, чтобы меня пожирали глазами и обращали на меня внимание? Странно, но я не могу понять своего мужа! – размышляла я по дороге в тихий, уютный кабачок «Три бочки». – Но, несмотря ни на что, я очень люблю его».

– Власик, я очень, очень тебя люблю! – воскликнула я, переполненная нежными чувствами к своему супругу, и в доказательство поцеловала его в щеку. – И никогда-никогда ни на кого не обращаю внимания и никто-никто мне не нужен! Ты самый, самый, самый, самый!.. У меня нет слов, чтобы выразить, какой ты самый-самый и как я тебя люблю! Обожаю просто!

Мы припарковались возле «Трех бочек», и я так сильно обхватила Власа за шею от переизбытка чувств, что послышался хруст его позвонков.

– Машенька! Я тоже тебя люблю! Ты себе не представляешь, как я тебя люблю! И надо же было мне ошпариться!

Сегодня в «Трех бочках» звучала живая музыка, в центре зала танцевали две пары; мы сели у окна и сделали заказ.

– Машка! Люблю я тебя просто как ненормальный! – продолжал он, помогая снять мне осеннее пальто. – Что я говорил-то? Ах да! – вспомнил он. – Надо же было так неудачно ошпариться! Ладно там руку или ногу, скажем... Ну, на худой конец лицо даже, – Влас подумал и добавил, – если не сильно! А тут, как нарочно!

– Не переживай! Все равно мы теперь друг от друга никуда не денемся!

– Точно! Давай выпьем за это по бокалу красного вина! – обрадовался он тому, что мы никуда уже друг от друга не денемся. – До дна! До дна! – настаивал он.

Мы пили вино до тех пор, пока нам не принесли закуску (а несли ее, надо заметить, довольно долго), – и за счастье в нашей дальнейшей совместной жизни, и за здоровье нашего еще не родившегося и даже не зачатого ребенка, и за то, чтобы он окончил школу на круглые пятерки и получил золотую медаль. Потом у меня зашумело в голове, и я ощутила острое желание потанцевать.

– Власик, пойдем танцевать! – легкомысленно воскликнула я.

– Маш! Ну как я танцевать-то буду? Я еле хожу! – прошептал он, и в этот момент ко мне подошел молодой человек в прямом смысле этого слова (по крайней мере выглядел он моложе меня лет на десять), высокий, стройный, со смазливой физиономией, и спросил Власа:

– Можно пригласить вашу даму?

Влас, метнув на него злобный взгляд, укоризненно посмотрел на меня, продолжая молчать.

– Нехорошо такой очаровательной девушке скучать, – настаивал тот.

– А что, вам потанцевать не с кем? – желчно спросил мой благоверный.

– Не-а, я сюда с друзьями пришел, а танцевать с мужчиной как-то неудобно. Еще неправильно поймут.

– Только один танец, Власик. Я быстро! – сказала я и, воспользовавшись паузой, выпрыгнула в центр зала.

Медленный танец плавно и незаметно перешел в зажигательный латиноамериканский, затем снова в медленный, а когда дело дошло до рок-н-ролла и молодой человек, которого, как выяснилось, звали Яковом, лихо перевернул меня в воздухе – так, что дух захватило и я моментально протрезвела, к нам подскочил Влас, грубо дернул меня за руку и потащил к машине:

– Как ты могла?! Танцевать с первым встречным, совершенно незнакомым тебе человеком! – отчитывал он меня по дороге домой. – Ты никогда не отличалась постоянством! В детстве связалась с двоечником с Крайнего Севера и целовалась с ним у костра на моих глазах! Мало того, даже замуж за него собралась! – Он снова припомнил мне историю двадцатилетней давности – поразительно! – А взять это лето, на море! Та же самая история! Стоило мне только отлучиться на несколько минут за черешней, как ты тут же схлестнулась с каким-то слащавым мерзавцем, снова целовалась у меня на глазах и вдобавок назначила ему свидание в гостинице, как последняя... – он осекся. Вовремя остановился!

– Как последняя – кто? – грозно спросила я, когда мы уже вошли в квартиру, но Влас молчал, видимо, подбирал существительное, которое могло бы сочетаться с прилагательным женского рода «последняя», но, так ничего и не придумав, продолжил:

– И эти твои три предыдущих брака! Они тоже о многом говорят! Да и вообще я знал, что все так и будет!

– Как – так?

– Так, как сейчас! Я просил тебя снять это вульгарное, откровенное платье! – Он схватился за его подол, будто проверяя материал на прочность. – Нет, это ж надо пойти танцевать с первым встречным! – никак не мог успокоиться Влас.

– Вот именно! Я с ним танцевать пошла, а не куда-то там непонятно куда! – Сама не поняла, что сказала.

– Нет, зря я на тебе все-таки женился! – бухнул Влас.

– Что-о? – ошалело протянула я. – Ты говоришь мне такие вещи только из-за того, что я с кем-то потанцевала?! И это на третий день нашей медовой недели?! – Я была вне себя. Не спорю, может, я вела себя в «Трех бочках» неправильно, может, не стоило отплясывать рок-н-ролл с незнакомцем, но, во-первых, мне очень хотелось танцевать, а Влас, даже если б он и не ошпарился, ни за что на это не согласился, потому что вообще не умеет двигаться, во-вторых, от его настойчивых возгласов «пей до дна!», «пей до дна!» у меня зашумело в голове, и я подчинялась лишь своим желаниям, а в-третьих, ничего предосудительного в том, что произошло, я не вижу, к тому же я на отдыхе и могу позволить себе хоть немного расслабиться!

Подойдя к нашей кровати, Влас демонстративно подхватил свою подушку, достал из шкафа одеяло и, не проронив ни слова, ушел спать в гостиную, оставив меня наедине со своими невеселыми мыслями. «Надо же, какой обидчивый! Наверное, трудно ему приходится! Обижаться – глупо. Так не приобретешь никакого жизненного опыта. Нужно просто делать выводы из складывающихся ситуаций и поступков окружающих, – поначалу думала я, лежа в темноте. – И ревнивый какой! Уже сейчас из-за всяких пустяков ревнует. Что ж потом-то будет? Через год, два?» Мне вдруг стало не по себе. И чем больше я размышляла о сегодняшнем вечере, тем сильнее мною овладевало чувство сомнения: правильный ли шаг я сделала, выйдя за Власа замуж? Хорошо ли я подумала перед тем, как согласиться стать его женой? Кажется, и он уже жалеет о том, что женился на мне. Он так и сказал: «Зря я на тебе женился!» Может, мы оба поторопились? Неужели в скором времени из-за какого-то пустяка нам придется развестись?! Наверное, это я виновата! Все мои предыдущие браки были недолговечными! Один раз я вообще разошлась после двух недель совместной жизни! Конечно, дело во мне – это я какая-то ненормальная, со мной никто не может ужиться. Другие женщины прикладывают невероятные усилия, чтобы сохранить мужа, семью, бояться остаться одни, быть никому не нужными. А я никогда не боролась за свой брак и всегда первая предлагала расстаться, как только чувствовала, что отношения сходят на нет. А может, из-за того, что я всегда боялась, что бросят меня? Первую? Скорее всего это так. Я бы не перенесла, если б хоть один из моих бывших мужей сказал мне: «Дорогая, у нас с тобой нет ничего общего, нам нужно развестись». Или: «Маша! Я тебя больше не люблю и не любил никогда, я просто думал, что люблю. На меня нашло затмение, когда я предложил тебе руку и сердце, а теперь оно прошло. Пошли разводиться!»

Я все думала и никак не могла заснуть. Не знаю, сколько было времени, когда я вспомнила о нашем с Власом летнем романе, о том, как он подарил мне кольцо с сапфиром и предложил руку и сердце, как я согласилась, как после этого мы поехали на море. И как, прочитав мой первый том «Записок», где я описала всех своих родных, подруг и любовника Кронского, Влас сказал, что свадьбы не будет. Он приревновал меня к Кронскому, с которым к тому времени я порвала все отношения. И сколько бы я ни доказывала ему, что существует в литературе такое понятие, как «художественный вымысел», Влас был непоколебим, и мы расстались.

Но безвыходная ситуация свела нас снова. Сидя в холодном сарае глухой деревни у злодейки Эльвиры Ананьевны, которая похитила меня с центральной и единственной площади райцентра, неподалеку от Буреломов, рассчитывая насильно выдать замуж за своего чокнутого сыночка Шурика, я овладела его мобильным телефоном и смогла дозвониться только до Власа. Он приехал и спас меня. С того дня мы снова вместе. Может, это судьба? Не знаю. Ничего не понимаю!

Потом вдруг мысли переметнулись к Лучшему человеку нашего времени. Перед глазами стоял его образ, я снова вспомнила запах его туалетной воды, а его слова так и звучали в ушах: «Он дурак – твой жених! Дубовый обыватель, которому не дано понять твоей тонкой натуры. Его всегда будет раздражать твоя несобранность и рассеянность. Наверняка он бесится, когда ты разбрасываешь вещи по квартире и лепишь на всех стенах свои неповторимые плакатики-памятки!»

«Да что за ерунда! Почему я думаю о Кронском! – разозлилась я на себя. – Два раза он изменил мне прямо у меня на глазах! Этого мало? И потом, я замужем и люблю Власа!» – заверила я себя и вскоре наконец заснула.

Под утро мне привиделся странный сон. Будто бы я стою на мосту через реку – я ощущаю это, но ничего не вижу, потому что вокруг густой туман. Я чувствую запах реки и знаю, где я, как это часто бывает во снах. Туман постепенно, очень медленно рассеивается, и я различаю две фигуры – они стоят вдалеке от меня по разные стороны моста. Один из них Власик, другой – Кронский. У Власа такое печальное лицо, что сердце кровью обливается, а Лучший человек нашего времени, напротив, хохочет во все горло. Вдруг Влас поворачивается ко мне спиной и хлоп в реку рыбкой. Я бегу посмотреть, не утонул ли он, но его нигде нет, а Кронский продолжает смеяться.

Четвертый день медовой недели. Среда

Я проснулась в холодном поту и, открыв глаза, решила немедленно отправиться в гостиную – проверить, не утонул ли Влас. Я скинула одеяло, повернулась и увидела его на пороге.

– Власик! Любимый! Ты жив! Господи, как я перепугалась! Мне приснился такой ужасный сон! Будто ты утонул. Я бегу за тобой, но тебя нигде нет! Нигде! Ни в реке, ни на берегу, ни на мосту! – и я неожиданно для себя захлюпала. Вообще-то я редко плачу, а Влас вообще никогда не видел моих слез, но тут меня что-то разобрало: хлюпанья переросли в настоящий рев. Мне стало стыдно, что я становлюсь истеричкой, и я тут же спрятала голову под подушку.

– Машенька! Ну, что с тобой? Любовь моя! – Влас присел на кровать и погладил меня по спине, отчего я заревела еще сильнее. – Господи! Что ж делать-то? Что ж делать-то? – бормотал мой законный супруг, совершенно растерявшись. – Машенька! Пожалуйста! Покажи мне свое личико!

– Оно некрасивое-е-е! – проурчала я под подушкой.

– Оно всегда для меня красивое! – Он вытащил меня на свет божий и гладил по голове. – Что случилось? Почему ты плачешь?

– Мне приснилось, что ты утону-у-л! Я так испугалась! А главное, что я тебя не могла спасти! Ты, наверное, уже ушел под воду-у-у! – заливалась я.

– Птичка моя, но это всего-навсего сон! Я живой! Целый и невредимый, – утешал он меня, – с одним незначительным дефектом, да и его скоро не будет.

– Не будет? – я мгновенно успокоилась.

– Да, дело идет на лад, только когда в следующий раз вздумаешь принести мне кофе в постель, сначала разбуди. Хорошо? – и Влас нежно по-отечески поцеловал меня в лоб, однако этого ему показалось мало, и он чмокнул меня в щеку, потом в другую, а потом так увлекся, что, кажется, забыл о своем дефекте. – Зачем ты на ночь надеваешь пижаму? – задыхаясь от страсти, он пытался стянуть ее с меня.

– Потому что один раз я запуталась в ночной сорочке так, будто на мне была смирительная рубашка с завязанными рукавами! Я чуть не задохнулась! Пробовала и майки, и шелковые топики, и даже кружевные комбинации! Но нет – все не то. Шелк скользит и поднимается до подмышек, кружева колются, а спать абсолютно голой зимой – холодно, а летом – из-за проклятой жары слипаются все части тела, словно их намазали клеем БФ.

– Птичка моя! – пролепетал Влас, и мне показалось, что на глазах его выступили слезы умиления.

И когда с пижамой было покончено, в самый ответственный момент отвратительно задрезжалось: «Пр... Пр... Прррр...»

– Да что ж это такое! – не на шутку рассердился Влас. – Кому мы понадобились? Вот ты мне скажи! Что им от нас нужно?! – он выругался, но все-таки подошел к телефону. – Да! А кто ее спрашивает? А, привет! У нас все нормально, сейчас я позову Машу, – услышала я, – Маша, это тебя, Овечкин.

Я вскочила с кровати и помчалась к телефону.

– Салют молодоженам! – гнусавил Женька в трубку. – Мне почему-то кажется, что я позвонил не во время.

– Да нет, все в порядке. Как вы с Икки проводите медовый месяц?

– Иккуля просто прелесть! Я так счастлив! Ты знаешь, мы даже ни разу на улицу не вышли! Оторваться друг от друга не можем!

– Машка! Как у вас дела? – Икки у Овечкина выхватила трубку.

– Все прекрасно, вчера в ресторан ходили...

– А мы никуда не ходим! Целыми днями в кровати валяемся! А ты заметила, какие у нас чуткие подруги – они даже не звонят, чтобы не мешать нам! – Такого счастливого голоса у Икки, кажется, не было никогда.

– Вы поедете в свадебное путешествие?

– Сейчас нет. Мы решили на Новый год уехать. Ты ведь знаешь, нужно как можно быстрее ремонт в аптеке сделать. Мы и так несем колоссальные убытки! Женька, отстань! Ха! Ха! Ха! Овечкин, дай поговорить! Все, Машка, пока, пошла исполнять супружеский долг! – и Икки положила трубку.

Я тоже пошла в спальню в надежде исполнить свой супружеский долг, но у Власа уже изменилось настроение – лиричный лад куда-то улетучился, страсть его подостыла, слез умиления не было и в помине. Не иначе как что-то произошло, пока я разговаривала по телефону.

– Мне не нравится, что тебе звонят мужчины, – выдавил он из себя.

– Так это ж Овечкин! Женька! Ты что?!

– Какая разница!

– Большая! Они наши друзья! Ревновать меня к Овечкину – нелепо!

– Все равно не нравится мне это!

– Власик! Ты опять за свое! Мы ведь помирились или ты забыл? – и он, видимо вспомнив, что мы действительно помирились, снова принялся целовать меня.

«Пр...Пр...Прррр...»

– Я больше этого не выдержу! – воскликнул он.

– Не подходи, – шепнула я ему на ухо.

– Я не могу игнорировать телефонные звонки. Вдруг в автосалоне что-то стряслось! – и он понесся в коридор. – Да! – разъяренно завопил он, но тут же голос его переменялся, и он заговорил подобострастно-уважительным тоном: – Доброе утро, Илья Андреевич! Нет, Илья Андреевич. Да, Илья Андреевич. Как такое могло произойти?! – в ужасе закричал он. – Обещал. Забыл. Не позвонил. Осел. Не оправдал... Потерял голову. Да. Сейчас же! Понял. Я найду, я все исправлю! Вы только не волнуйтесь, Илья Андреевич, вам нельзя волноваться. Я уже вылетаю! На этот раз обязательно позвоню! Непременно зарублю на носу! До свидания, выздоравливайте, Илья Андреевич!

Я вышла из спальни – Влас сидел на полу.

– Что такое? – забеспокоилась я.

– Я – осел! Осел! Во-первых, я не позвонил Илье Андреевичу после того, как проконтролировал поставку из-за границы автомобилей в его салон, а во-вторых, я не знаю, каким образом получилось так, что потерялась одна машина! Я вроде бы все тщательно проверил, но ее нет! И где ее искать? Я совсем голову потерял от любви к тебе! В моей многолетней практике ни разу не было подобного инцидента!

– Власик, не переживай! Ты найдешь эту машину! Я в тебя верю, и Илья Андреевич верит!

– Ты правда так думаешь? – серьезно спросил он.

– Конечно! Иначе он не стал бы к тебе обращаться!

– Ты права! Ты совершенно права! – воодушевленно воскликнул Влас, быстро оделся, позавтракал на скорую руку и, поцеловав меня на пороге, предупредил: – Машенька, не волнуйся. Я не знаю, когда вернусь. Может, поздно вечером. И потом мой мобильный, возможно, будет отключен. Пока, любовь моя!

– Удачи! Кто ищет, тот всегда найдет! – крикнула я напоследок и захлопнула дверь, как снова раздалось: «Пр...Пр...Прррр».

Это оказалась моя мама.

Она в который раз пожелала нам с Власом счастья в личной жизни и сказала, что отправляется в деревню, дабы уговорить супруга бросить такое никудышное, можно даже сказать,

постыдное занятие, как торговля навозом. Ведь после того как на нашем огороде в деревне Буреломы злобная вдовица Эльвира Ананьевна с детьми (моим несостоявшимся женихом Шуриком и его сестрой Шурочкой) обнаружила вместо месторождения нефти залежи жидкого органического удобрения животного происхождения, она уговорила дражайшего отчима моего – Николая Ивановича – составить им компанию в торговле этим самым удобрением на обочине дороги. Теперь мама ехала в Буреломы, уговорить супруга последовать ее примеру и начать оформлять загранпаспорт для поездки в Германию, куда старая карга Эльвира Ананьевна отправила по недосмотру (а может, из вредности) всех их милых кошек.

– Вызвать! Вызвать! Теперь-то я поняла, зачем немцам понадобились наши русские кошки! Для трансплантации органов! Мне это доподлинно известно! И почему я одна должна этим заниматься?! Ведь кошарики-то наши, общие! – возмущенно кричала мама с другого конца провода, после того как пожелала нам с Власом счастья в личной жизни.

Я сочла ее речи совершенно справедливыми, хотя в глубине души признавала, что родительницу мою беспокоит кое-что еще. А именно: как ее супруг мог иметь хоть и экономические, но все же *отношения* с ненавистной Ананьевной, которая похитила ее единственную дочь, держала в холодном сарае целую вечность и чуть было насильно не выдала замуж за своего полоумного Шурика?! Меня! Маню Корытникову! Знаменитого автора любовных романов!

Я пожелала ей счастливого пути и занялась уборкой квартиры: перестирала испачканное красным виноградом белье, пропылесосила квартиру, разобрала вещи в шкафу и даже вывела жирное пятно от курицы на своем изумрудном платье. Одним словом, сегодня я вела себя, как подобает вести образцовой жене в отсутствие мужа.

Влас появился в восемь вечера и битый час рассказывал о том, как он искал целый день пропавшую таинственным образом машину, что поиски не дали никаких результатов и что завтра он с новыми силами снова примется за дело, но будет использовать другие каналы (он так и сказал «буду использовать другие каналы»).

В девять часов раздался настойчивый звонок в дверь.

– Кого еще несет! – недовольно проговорил Влас и пошел открывать.

Принесло мою маму. Именно этим вечером, а точнее сказать, ночью и свершилось первое немыслимое, фантастическое и одновременно печальное событие.

Мамаша влетела в квартиру в состоянии крайнего возбуждения, негодования и ярости. Ее буквально лихорадило: на щеках выступили болезненные красные пятна. Тело сотрясало от мелкой дрожи. Поначалу она и слова-то не могла вымолвить, потом все же собрала с духом, выпила одним махом сто грамм водки и, не церемонясь, скомандовала осипшим голосом:

– Влас, оставь нас!

И стоило только ему закрыть за собой дверь, мамаша закричала нечеловеческим голосом, кого-то проклинала и выражалась нецензурной лексикой. Лишь спустя десять минут я смутно начала понимать, что произошло на самом деле и что привело ее в такое неукротимое бешенство.

События развивались следующим образом.

Утром она села в электричку и, благополучно добравшись до вокзала, где нас по обыкновению встречал Николай Иванович, тут же откинула от себя мысль (она так и выразилась: «откинула от себя мысль») ехать далее на допотопном круглом желтом автобусе, который непременно сломается и застрянет на полпути, и решила поймать частника, чтобы побыстрее увидеть блестящую крышу собственного дома.

Расплатившись с шофером, мама не узрела на обочине дороги торговцев «волшебным удобрением» – она не увидела ни супруга своего в рабочем, перепачканном ядовито-зеленом комбинезоне с муравьем на спине, доставшемся ему после безупречной сорокалетней службы в качестве заместителя начальника СУ №55, ни Эльвиру Ананьевну в черных рейтузах, гармош-

кой соборившихся под коленками, в неизменной трехъярусной юбке и школьном пиджаке своего сына последней четверти прошлого столетия с забытым, не отколотым пионерским значком на лацкане. Мамаша увидела в пожухлой октябрьской траве лишь перевернутый, сколоченный заботливыми руками Николая Ивановича стол, изгвазданный «волшебным удобрением», а чуть поодаль широкую деревянную табличку, на которой крупными буквами были начертаны краской фиолетового цвета сии назидательные строки:

«За капустой, за моркошкой, за петрушкой, за картошкой – хлопотать нужно заботливо! Покупайте биотопливо!!!

Цена: за 6 литров – 70 руб.»

«Интересно, очень интересно...» – подумала моя родительница и, решив, что торговцы биотопливом ушли за его добычей, направилась в огород. Свой участок она узнала с большим трудом – кирпичных дорожек, что вели к бане и сараю, и в помине не было – обломанные куски кирпичей валялись то там, то сям; почти все кусты смородины выкорчеваны самым что ни на есть варварским образом. А то, что когда-то напротив мастерской располагались грядки садовой клубники, в которых можно было запросто спрятаться с головой (если, конечно, лечь на землю), невозможно теперь и представить. Одним словом, складывалось такое впечатление, что дом стоял посреди болота, которое вот-вот засосет его в себя вместе с блестящей крышей.

«Интересно, очень интересно...» – снова подумала мама, взглянув на вышеописанное безобразие и «удобрившись» по колено, и переступила порог собственного дома ровно в три часа пополудни.

– Все двери настежь! Что хочешь, то и бери! Хоть выноси соломенную мебель, хоть холодильник, хоть микроволновку! А дом-то мой! – в ужасе прокомментировала она обстановку, в которой очутилась.

Все это не могло не насторожить родительницу мою, и она, беззвучно миновав коридор, остановилась как вкопанная в углу кухни перед распахнутой настежь дверью в гостиную. Она видела все, что происходило на первом этаже ее собственного дома в три часа пополудни. Ее же не видел никто.

А увидела она следующее.

Вдовица сидела на стуле в одних черных рейтузах (школьный пиджак сына с незаменимой трехъярусной юбкой валялись на полу, впрочем, как и непростиранный лифчик, цвет которого теперь невозможно было определить, даже приложив огромные усилия и максимальную концентрацию зрения), скрестив ноги по-турецки. Грудь ее... Немыслимо!.. Они крутились с невероятной скоростью в каком-то диковинном, загадочном ритме – то по часовой стрелке, то против и уж очень напоминали уши бассета (голосистой собаки, которая постоянно наступая на них лапами и подметает ими асфальт на прогулке). Непонятно, кого изображала Эльвира Ананьевна – может, цыганку, а может, жрицу бога грабежа из мифов йоруба... В то время как Николай Иванович возлежал на ложе в чем мать родила с темно-серым, будто нависшая, угрожающая своей чернотой туча перед проливным дождем, постельным бельем, которое категорически запрещал менять супруге вот уж в течение года и на котором еще полтора месяца назад вместе с ним спали двадцать кошек, увезенных теперь в Германию, после соответствующей медицинской обработки в ветеринарной клинике.

Все это происходило в гробовом молчании, как вдруг отчим неожиданно гаркнул:

– Мобыть, всем гнило, да нам мило!

– Мило, пока не простыло, – отозвалась вдовица, видимо, заученной фразой, из чего мамаша сделала вывод, что она присутствует отнюдь не на премьере «представления».

– Была бы охота: найдем доброхота! – крикнул в ответ Николай Иванович, и тут произошло то, что окончательно развеяло все мамины сомнения.

Торговка «волшебным удобрением» вдруг вскочила со стула, с необычайной резвостью стянула с себя рейтузы и с поразительным для ее возраста молодым задором с разбегу запрыгнула в кровать к компаньону по продаже биотоплива.

Они барахтались, путаясь в простынях специфического и неизвестного доселе художникам цвета «угрожающей черной тучи перед проливным дождем», как бедная, обманутая и несчастная мамочка колко спросила:

– Торгуем, значит?!

Любовники как по команде высунули головы из белья неведомого до сих пор мастерам кисти цвета и уставились на нее ничего не понимающими глазами. Именно не понимающими: оба они минут пять никак не могли понять, почему это в момент, когда «есть охота и нашелся доброхот», в доме появляется неизвестно кто?! Зачем приехала сюда эта женщина? Что ей тут надо? Впрочем, кто может сказать, о чем они думали в тот момент и думали ли вообще? Но лица их выражали подобные мысли. Первой опомнилась вдовица:

– С приездом, Поленька! Как в Москве? Паспорт уже готов? Скоро вы нас покинете, поедете кошечек разыскивать? – тараторила она. – Счастливая вы – хоть на мир посмотрите!

– Это не я вас скоро покину! Это вы сейчас уберетесь из моего дома! – взревела мама, после чего из ее уст изверглась лавина буйной и кипучей брани, которая закончилась словами «два старых пердуна!».

– Поленька, что это вы себе такое позволяете, – невозмутимо проговорила вдовица и принялась надевать лифчик: сначала она застегнула сзади пуговицы, какие обычно пришивают к наволочкам, потом скатала каждую грудь в рульку и, запихнув их в чашечки, нацепила бретельки. – Ой, Поленька, дело-то молодое! Чего от него, убудет, что ли? Поди, не мыло, не измылится!

Из маминых уст снова посыпались слова, мягко говоря, неприличной лексической окраски, после чего она обозвала супруга «навозным жуком», а его компаньонку «навозной мухой».

«Жук» медленно поднялся с кровати, пересек комнату, да с таким достоинством, будто на нем были надеты шикарные брюки, белоснежная рубашка, фрак и бабочка на шее, поднял с пола замызганный ядовито-зеленый комбинезон с муравьем и светоотражающей полосой на спине и, пытаясь попасть ногой в брючину, вдруг вызывая рывком:

– Ха! Я еще и виноват!

С маминой стороны снова последовал комментарий с использованием словарного запаса, применяемого в тех житейских ситуациях, когда уже и сказать-то больше нечего и который я не могу воспроизвести в тексте по этическим соображениям, на что изменщик, наконец попав обеими ногами в брючины, выкрикнул три ярких, метких фразы, правда, кому они были адресованы, понять было довольно трудно:

– Совсем распустились! Мрак! И с каким апломбом!

Мама схватила веник и в прямом смысле слова принялась с неистовой злостью выметать развратников из собственного дома:

– Ключи от всех построек! – потребовала она, протянув ладонь.

– А это твои трудности!

– Ключи! – Видно, родительница моя была настолько страшна в гневе и ярости, что Николай Иванович почувствовал, как с него сняли «фрак» и принимаются за «бабочку».

– Какие ключи, Поленька? О чем вы? У нас тут бизнес, месторождения, залежи, мануфактура, трест, можно сказать! – вмешалась Эльвира Ананьевна.

– Считайте, что ваш трест лопнул! Ключи на стол!

Николай Иванович, вероятно, в этот момент почувствовал, как с него снимают белоснежную рубашку, вот-вот спадут черные шикарные брюки и от его достоинства останутся рожки да ножки. Он сразу как-то размяк, спал с лица и молвил примирительно:

– Подумаешь, полдня работали... Устали... Холодно стало... Северянин подул... Замерзли... Чувствую, глаз ватерпас... У койку смотрит... Ну, пришли похрюкать немножко... Что ж такого?... Все мы человеки...

– Ключи на стол! А глаз твой пусть отныне в Анан... Тьфу! Да что же за отчество-то у вас такое! Вот в ее койку смотрит! – грозно закончила моя обманутая мамочка и, получив ключи, выдворила любовников вон.

Николай Иванович шел по дороге рядом с вдовицей, отправившей к праотцам четверых мужей, рискуя стать пятой ее жертвой, чувствуя, что «черные шикарные брюки» с него все-таки стянули.

– Я все закрыла и, не медля ни секунды, поехала обратно в Москву. И вот я здесь, – заключила мама свою поистине фантастическую историю, хлопнула еще сто грамм, от души выругалась и заревела у меня на плече. – Ах! Машенька! Если бы ты знала, как все это пошло, как гадко и мерзко выглядело со стороны! – Она хлюпнула и смачно высморкалась.

Я, воспользовавшись паузой, принялась утешать ее, говорила от чистого сердца те обычные фразы, которые произносятся в подобных случаях – мол, недостойн, за что боролся, на то и напоролся, вот пусть теперь в сарае у Ананьевны поживет... И так мне стало жаль мою мамочку, что я не выдержала и тоже захлопала – сначала тихо так, потом все громче, громче, – что мои стенания мгновенно разнеслись по всей квартире.

– Этот тоже – Власик! – с издевкой воскликнула я. – Он что, не слышит, как реву?! Даже не успокоит, не придет!

– Все они сволочи! И все-таки, когда я прошлой зимой, – глядя меня по голове, продолжала мама, – изменяла этому подонку с охранником Веней из ювелирного магазина, все было так красиво, возвышенно, хотя и он оказался порядочной свиньей, – разочарованно пробормотала она. – Да и взять, к примеру, эту весну – я имею в виду Григория из Фонда защиты животных – тоже все было так чинно, благородно, по-человечески. Не то, что у этих навозных насекомых! Но и Григорий, должна тебе признаться, оказался последним гадом! Это ж надо! Отправить моих кошариков и отказать в помощи с поездкой за границу. Приходится обращаться к другим людям – так сказать, прыгать через голову. – Она замолчала, а я вдруг заметила, что родительница, вспомнив о «других людях», повеселела даже, глазки заблестели, забегали, а лицо залилось краской смущения...

– У тебя опять кто-то появился?

– Радовалась бы за мать-то! – Она вдруг перешла в наступление: – Хорошо еще, что я этому старому козлу рога успела наставить, а вот ты представь, если б не успела?! Наверное, повесилась бы сейчас от обиды и несправедливости!

За окном начинало светать, мне нестерпимо хотелось спать, но я героически держалась. И... Вдруг... Меня осенило!!!

– Мама дорогая! – взвизгнула я. – Это я во всем виновата! Прости меня! Это я виновата, – убежденно повторила я.

– Да в чем ты виновата? – изумилась она. – Ничего не понимаю!

– Еще перед свадьбой, больше месяца назад, перед тем, как я, ты и Влас уехали из Буреломов, я отдала Николаю Ивановичу лекарства!

– Ну и что? Какие еще лекарства? Он здоров как боров!

– Он как-то попросил меня купить, сказал, что плохо себя чувствует – занемог, мол.

– Ха! Занемог он! – прошипела мамаша. – Так что, что за лекарства? – нетерпеливо переспросила она.

– Суньмувча (это такой китайский препарат) и Чих-пых. Он просил и «Трик-трах», но от последнего меня отговорили – сказали, что он вызывает некоторые нежелательные побочные эффекты, в частности, непроизвольное мочеиспускание. Оказалось, все они от импотенции! Нужно принять курс лечения, рассчитанный на месяц, и результат будет налицо. – Стоило

только произнести эти слова, как я ощутила себя стоящей под десятком кнутов, истязующих мое бренное тело со всех сторон: мамаша нещадно лупцевала меня упреками на все лады, она то причитала: мол, бедная я несчастная – оказалась жертвой сговора родной дочери и изменщика-мужа, то обзывала меня тупоумной бестолочью, то угрожала... Но вдруг она неожиданно успокоилась и своим обыкновенным голосом (будто ничего не произошло) сказала:

– Я знаю, что делать. Ты поедешь в деревню и поживешь там, пока я буду в отъезде.

– Ну уж нет. Ни за что! К тому же мы с Власом собираемся в свадебное путешествие, – отрезала я и добавила мечтательно, блаженно даже как-то: – В Венецию...

– Путешествие придется отложить.

– Что за бред? Зачем мне торчать в Буреломах?

– Чтобы эти два старых навозных жука свои рыльца не совали в мой огород!

– Ты ж их выгнала и ключи отобрала, – растерялась я.

– Наивная, – мама сказала это так, словно: «Ну и дура же ты!». – Твой дорогой отчим, о здоровье которого ты так печешься, уж давно сделал дубликаты! Я-то в этом не сомневаюсь! Кончится тем, что я приеду из Германии к разбитому корыту – они со своей добычей биотоплива разнесут весь дом.

– Но ты ведь не завтра едешь-то?! – недоумевала я. – У тебя даже заграничного паспорта нет!

– Да у меня все необходимые документы будут через неделю в кармане! – уверенно сказала она, и я тут же поняла, что мамаша собралась обратиться (а может, уже успела это сделать) «к другим людям» и прыгнуть через голову «последнего гада» Григория, который отправил ее кошариков не иначе как «на органы» для породистых кошек богатых бюргеров и, ко всему прочему, отказал в помощи с поездкой в Германию.

– Нет! – крикнула я, но она решительными шагами направилась в спальню к Власу, приговаривая:

– Зять не откажет своей несчастной, всеми покинутой теще! Он не посмеет, потому что не имеет права!

Я же думала совсем иначе: «Влас ни за что не откажется от свадебного путешествия! И ради чего идти на подобные жертвы?! Это же сомнительная, бредовая идея – поиск двадцати кошек в чужой стране с многомиллионным населением!»

Уж не знаю, что наговорила мамаша своему зятю, однако через пятнадцать минут они вместе вышли из спальни и объявили мне, что я должна проявить свой дочерний долг и помочь женщине, посредством которой появилась на свет божий.

– Я отвезу вас с Полиной Петровной в Буреломы дня через три. Она побудет там с тобой недельку, введет в курс дела, а как уедет...

– Что?! Я буду сидеть в этой глуши одна? В непосредственной близости с врагами? В октябре месяце?!

– Не так страшен черт, как его малюют, – глубокомысленно заметила женщина, посредством которой я появилась на свет, и добавила сахарным голоском: – А в октябре там чудесно! Это ж север! Там лето наступает гораздо позже, как раз в середине октября! Если б ты знала, как прекрасен лес в это время года: листва еще не успела пожелтеть, приобрести багряный налет, а...

– Хватит! – грубо прервала я маму, вспомнив ее гнусную ложь о том, что в Буреломах все ягоды (от лесной земляники, включая малину, смородину, бруснику, вишню, чернику и клюкву, вплоть до калины) созревают в одно и то же время, а именно к началу сентября.

– Машенька, я с тобой побуду какое-то время, да и подруги тебя не оставят, будут навещать, поработаешь на природе... И потом, там нам хоть никто не помешает!

– Предатель! Если б только я знала, что ты такой предатель, ни за что не вышла б за тебя! – взорвалась я и, хлопнув дверью, вышла из проклятой гостиной, в которой только что

определилась моя судьба на ближайшие две недели. А вдруг не на две недели, а на месяц? Или месяцы? Вот ужас-то! И что я за человек такой? Как пластилин! Из меня может кто угодно слепить все что заблагорассудится. Нет! Так нельзя!

Вскоре Влас уехал искать «по другим каналам» пропавшую таинственным образом машину, сказав мне, что дома будет не раньше девяти вечера, а мамаша отправилась по неотложным делам – наверное, собралась «прыгать через голову» гада Григория.

Пятый день медовой недели. Четверг.

Я ходила из угла в угол, жалея себя от всей души – даже спать расхотелось. «Что же делать? Что же делать?» – вертелось у меня в голове. «Нужно немедленно кому-то позвонить!» – решила я и набрала номер своей подруги Анжелки Поликуткиной (в девичестве Огурцовой):

– Да, Маша. Да что ты говоришь? Надо же! А вообще-то я не вижу в этой поездке ничего смертельного. Подышишь свежим воздухом, молочка коровьего попьешь. Слушай, мне сейчас некогда, веду Кузю на плавание. Приехать? Как всегда в пять вечера? Сейчас, сейчас... Значит, занятие по фигурному катанию заканчивается в четыре, – размышляла она. – Да, мы подъедем с Кузей к пяти.

Именно так отреагировала Огурцова на мой бурный рассказ о том, что меня отправляют в ссылку родная мать и муж, который жертвует ради этого даже нашим медовым месяцем!

Надо сказать, не прошло и восьми недель после ее блокировки от пьянства, как подруга моя изменилась в корне. Помимо того, что она бросила пить, курить, перестала ругаться матом и снова заметалась между православной церковью, где ее отец Иван Петрович по сей день работал сторожем, исповедовался раз в неделю и так же исправно причащался, и адвентистской, куда каждую субботу ходил ее муж Михаил, который тоже, кстати, не так давно был исцелен от недуга винопития, Анжела, видимо, почувствовав пробел в воспитании старшего своего чада – Кузьмы, двух с половиной лет от роду, – решила восполнить сие упущение, сплавив младшее свое дитя, пятимесячную Степаниду, свекрови Лидии Ивановне, аргументируя этот поступок следующим образом:

– Мала еще, чтобы у нее таланты обнаруживать! Вот подрастет, займусь ею вплотную, а пока пусть у бабки поживет!

С Анжелкой произошла поразительная метаморфоза: из безумной пьянчужки, которая однажды заявила к Власу во время банкета, где собрались самые нужные ему люди, в невменяемом состоянии, без юбки и в колготах, надетых наизнанку, в почтенную женщину, мать семейства.

А вот Кузьме Михайловичу доставалось по полной программе – безвозвратно прошло его беспечное детство, когда он на прогулке залезал в лужу и вылавливал бычки, причем особенно радовался, когда находил целую сигарету, потом тянул ее в рот и с удовольствием делал вид, что курит.

За месяц Огурцова умудрилась записать его в бесплатную секцию по плаванию. Немалых усилий стоило пристроить ребенка в младшую группу велосипедного спорта – тренер долго не соглашался, убеждая навязчивую мамашу, что сын ее еще мал, но когда она пришла в седьмой раз, волоча в одной руке орущего Кузю, а в другой трехколесный велосипед, тот сдался. Эта победа буквально окрылила подругу, и она прямоком отправилась в подготовительную детскую группу баскетбола и, увидев мужчину в спортивном костюме средних лет маленького роста, кинулась к нему:

– Возьмите моего сына в команду! – настойчиво потребовала она. Мужчина в спортивном костюме сначала взглянул на нее сверху вниз, потом на будущего «баскетболиста», издевательски (Огурцова так и сказала: «издевательски») хихикнул и сказал:

– До корзины не допрыгнет!

– Это что же вы хотите сказать?! – возмутилась почтенная мать семейства. – Что мой сын ростом не вышел?! А сами-то вы допрыгиваете до корзины? Он-то подрастет, а у вас вон уж лысина светится!

– Вот когда подрастет, тогда и приходите. Мы принимаем подростков с одиннадцать лет.

– Но у него талант! А вы зарываете его в землю! Подвесьте вашу корзину пониже! – требовала Анжелка.

Огурцова еще долго гонялась по залу за мужчиной в спортивном костюме, и бегала бы еще неизвестно сколько, если б не наткнулась на мужскую раздевалку, где увидела группу полураздетых юнцов, за спинами которых прятался тренер.

– Боже! Стыд-то какой! Вот похабники! – вскрикнула она, наскоро перекрестилась три раза и, приказав Кузьме немедленно отвернуться, оставила идею с баскетболом, казалось, навсегда.

Неудача с определением сына в секцию для дылд (как выразилась Огурцова) не остудила ее пыл, напротив, даже укрепила в благих намерениях сделать из Кузьмы человека.

Помимо плавания, гимнастики, футбола, фигурного катания и верховой езды на пони, Анжелка решила порыться и в других дарованиях Кузи:

– А что, если из него получится великий музыкант, или поэт, или художник, или танцор? Зачем зарывать талант в землю?! – повторяла она снова и снова.

В конечном итоге малыш был пристроен во все спортивные секции, куда только смогла определить его заботливая мамаша, а также в художественную студию, что находится в подвале соседнего дома. Вдобавок ребенок занимается в ближайшей школе на фортепиано, от души долдоня по клавишам, и в кружке балльных танцев.

Теперь у моей подруги весь день был расписан по часам, и не было ни одной свободной минутки, чтобы спокойно посидеть и выпить... чайку.

– Ребенок – это не кукла, – говаривала она. – Ребенок просто так не дается – его развивать надо, таланты отыскивать! Даже собак дрессируют, в специальные школы водят.

Вообще, странно в данный момент жила семья Поликуткиных – Огурцовых. Анжелка со своим мужем, чернобровым детиной, и сыном-вундеркиндом обитала в малогабаритной однокомнатной квартире, которая досталась ей от покойной бабки. Ее свекровь Лидия Ивановна (тоже, кстати, адвентистка) забрала к себе Стеху и довольно часто прибегала к помощи Ивана Петровича, настолько часто, что Анжелкин отец практически прописался в квартире у сватки. Но была и еще одна веская причина его проживания в чужой квартире.

Дело в том, что мать Огурцовой – Нина Геннадьевна – снова увлеклась. Да с такой горячностью и азартом своей пылкой натуры, что все ее прежние пристрастия к индийским фильмам, йоге, изготовлению лекарств по рецептам народных целителей, всевозможным диетам, голоду, уринотерапии, религии, магии были детскими забавами по сравнению с этим ее последним – каким-то, я бы даже сказала, болезненным и опасным, влечением!

«Потомственная ясновидящая и целительница госпожа Нина» три недели назад (еще до нашей свадьбы) познакомилась с неким Куртей – белым колдуном-вудуистом, который мог запросто общаться с лоа, то бишь со светлыми духами, помогающими в житейских делах. Анжелка, беспокоясь за мать, разузнала, что на самом деле Куртю зовут Тимофеем Тимофеевичем Задрыжкиным и что он либо шарлатан, либо никакой не белый колдун, а черный. И вообще опасный человек. Однако госпожа Нина не вняла словам дочери и сказала, что отныне ее зовут никакой не Ниной, а Нитрой, и что она собирается в самом ближайшем времени вступить в некое тайное общество и стать мамбо – то есть белой колдуньей.

С тех пор с Нитрой начало твориться что-то странное. Первым делом она отправилась в парикмахерскую и потребовала, чтобы ей на голове заплели тысячу косичек, что было никак невозможно сделать по двум причинам – во-первых, у будущей мамбо были жидкие волосы, а во-вторых, короткие. Все же она настояла, и парикмахерша непостижимым образом сумела создать из более или менее приличной прически «каре» тринадцать тощих косичек, торчащих в разные стороны – так, что теперь голова Нитры была похожа на ежа-мутанта с длинными редкими иголками.

Вторым шагом, который, по мнению Анжелкиной матери, должен был приблизить ее к заветной цели, была одежда. Она отыскала на антресоли старую занавеску (годов 60-х) «с драконами и змеями» – неприлично яркую и аляповатую (видимо, были использованы качествен-

ные красители, что за столько лет тряпка не выцвела). Буквально за полчаса Нина Геннадьевна сотворила себе весьма странное облачение с одним швом сбоку. Она натягивала его на себя, как корсет, а оставшиеся два метра использовала в качестве зажигательного вида пончо (проделав дырку для головы, Нитра нахлобучивала его сверху).

Будущая белая колдунья расхаживала по улицам, словно привидение, пугая народ своей экзотической прической и нелепым нарядом. Но шаталась она не просто так. Нужно было немедленно подниматься на третью ступень той лестницы, которая привела бы ее к небесной цели – вступить в тайное общество, где самым главным человеком являлся Тимофей Тимофеевич Задрыжкин, который, без сомнения, обучил бы неофитку общению с лоа, ритуальным танцам, а главное, церемонии оживления мертвецов. И тогда бы Нина Геннадьевна Огурцова размахнулась! Она только и делала бы, что ходила на чужие похороны и оживляла всех подряд на радость родным и близким усопшего.

Итак, чтобы подняться на третью ступень, Анжелкиной матери нужен был фетиш, что-то вроде талисмана – чей-то коготь или клык, а лучше всего человеческий зуб. Вот и блуждала бывшая потомственная ясновидящая и целительница в поисках чего-нибудь эдакого.

«Пр...Пр...Прррр...» Ну до чего же противно у Власа звонит телефон!

– Манечка, здравствуй, детка. Мы с тобой еще сегодня не разговаривали? – упадническим голосом молвила бабушка.

– Нет, еще не успели.

– Я не вынесу этого! – вдруг закричала она властным голосом, который развился за сорок три года работы преподавателем в интернате для умственно отсталых детей. – Я умру от любви! Панкратка на свадьбу не явился! Его не пустили! – запричитала она. – Все наши письма перехватывают! Я погибаю!

– Да ничего страшного! Приедет на следующее лето твой Панкрат Захарыч, никуда не денется! Его дочь с мужем все равно уедут к нему в деревню отдыхать, а его сюда квартиру сторожить пригонят! – утешала я старушку, а сама думала: «Надо же было в восемьдесят восемь лет влюбиться в зоотехника – искусственного осеменителя коров, который приехал в Москву из деревни всего на месяц! Правду говорят: любви все возрасты покорны!»

– Машенька, – она снова заговорила тихо, смиренно, что бывает нечасто, – у меня к вам с мамой будет одна просьба.

– Какая?

– Купите мне гроб, – бухнула она и кротко продолжала: – Я поставлю его у себя в комнате, пусть будет. Все равно я умру, а гробы-то с каждым днем дорожают!

– Ты что, с ума, что ли, сошла?! Ты никогда не умрешь, потому что уже пересекла точку возраст–ной бесконечности!

– Что значит, не умру?! – обиделась она.

– Тебе было восемьдесят восемь лет, и ты была у нас Мисс Двойная Бесконечность, – размышляла я. – А несколько дней назад тебе стукнуло восемьдесят девять. Так что ты у нас теперь Мисс Совершенная Бесконечность. Не умрешь ты! – непоколебимо сказала я.

– С придурью ты, Машка! Прямо такое впечатление, что ты мой интернат окончила! – разъярилась она и бросила трубку.

«Конечно, с придурью – променяла Венецию на Буреломы!» – подумала я и набрала номер следующего члена содружества:

– Икки! Меня отправляют в ссылку! – заголосила я и повторила все, что полчаса назад рассказывала Анжелке Огурцовой, после чего Икки, казалось, втянула весь воздух вокруг себя и на этом грандиозном вдохе, задыхаясь от негодования, протянула:

– А-А-А-А-А! – и затараторила: – Нет, они что, совсем рехнулись?! Тебя? Туда? Одну? К этим? К вдове? Кошмар! А Влас-то? Он-то, совсем дурак, что ли? Как он мог? – Остановить ее можно было только одним способом – спросить, как обстоят дела в единственной в Москве

проктологической аптеке «Эбатов и К*», которой Икки заведовала и в которой бабушкин ученик Иннокентий (клеильщик коробочек для суппозиториев) устроил пожар в день нашей двойной свадьбы. И я спросила!

– Вот, сижу, кукую тут! Все стены черные, нужен косметический ремонт, а наш Аркадий Серапионович и в ус не дует. Производство свечей приостановлено, мы несем колоссальные убытки – ему хоть бы хны! Ты бы, что ли, Пульке сказала – пусть на своего поклонника подействует! Как будто это моя аптека! А знаешь, что самое ужасное? Твой протеже сжег кассовую книгу, где были записаны все выручки со дня открытия «Эбатова и К*». Расчекрыжил книгу, рассыпал бумажки по углам и поджег! И зачем ты ему наврала, что наша аптека – сверхсекретное предприятие по изготовлению микроторпед для точного и мгновенного поражения целей противника?!

– Если б я этого не сказала, он не пошел бы твои дурацкие коробочки клеить!

– Он во всех теперь видит врагов, которые хотят украсть у нас ценную информацию. В следующий раз, наверное, потоп учинит! Ладно, буду дозваниваться до нашего проктолога – пусть решает, что с кассовой книгой делать!

– Приезжайте с Овечкиным ко мне в пять, соберутся все члены содружества, – грустно сказала я.

– Заметано.

Осталось позвонить только Пульхерии, Женьке мою печальную историю передаст Икки. И я в третий раз пересказала сегодняшней ночной кошмар Пульке – она жутко разозлилась на Власа, обозвала индюком и, сказав, что привезли женщину с внематочной беременностью, отправилась на операцию, пообещав быть у меня в пять часов.

Первыми приехали Икки с Женькой и тут же обрушились на мою маму и Власа:

– О чем они думают?

– Ты городской человек. Я вообще не понимаю, как можно жить в деревне: дров накопи, воды принеси!.. Ужас!

– Тебе нужно отказаться! – в один голос сказали они, глядя друг на друга влюбленными глазами.

– Вот я бы тебя, майн либе, никуда не отпустил! Никогда! – трогательно проговорил Овечкин, а Икки зарделась от удовольствия.

Вскоре приехала Пульхерия – она все рассказывала о женщине с внематочной беременностью, до сих пор находясь под впечатлением от проделанной ею операции, потом, будто опомнившись, выкрикнула:

– Да как они могли прийти к такому решению?!! Отправить тебя в глушь, где ты, кроме пьяных рож, ничего и видеть-то не будешь! Хотя... Все наши родители, кажется, немного того, – и Пулька покрутила пальцем у своего виска. – Ты слышала про Анжелкину мать? Ее, по моему, можно не глядя в психушку определять! А взять моих гоголеведов! Тоже не лучше. Они решили теперь распределить обязанности – отец едет искать ребро Гоголя в Кишковерстск – господин Протычкин снова запудрил им мозги, утверждает, что оно находится в тамошнем краеведческом музее.

– С какой стати? – удивился Овечкин.

– Местные жители воспринимают его не как ребро великого писателя, а как останки основателя города – какого-то польского пана. А мамаша решила во что бы то ни стало добиться эксгумации трупа Гоголя. Отца убеждает, что будет ходить по разным инстанциям, а мне сказала, что если ей не разрешат официально, она преступит закон и сделает это собственноручно. Так что не ровен час, как к нам опять пожалует таксидермист Микола Тарасович Яновский со своими чучелами делать анализ ДНК.

– Они правда думают, что он потомок Гоголя? – удивилась Икки.

– Еще бы!

В этот момент в дверь позвонили, и в квартиру, словно смерч, влетела Огурцова, волоча за собой горько плачущего Кузьму.

– Кузенька!

– Как ты вырос!

– А как на Михаила похож! Такой же темный, чернобровый!

– Да подождите вы, он в туалет хочет! – раздраженно гаркнула почтенная мать семейства и, бросив микроскопические фигурные коньки на галошницу, поволокла ребенка по коридору. Кузя истошно орал.

– Она тоже с ума сошла! Надо же такого карапуза истязать! – заметила Пулька.

– Маш! Налей ему сок! Он пить хочет!

– Пойдемте на кухню, – предложила я. – Она, наверное, с этими спортивными секциями совсем его голодом заморила!

– Кузенька, хочешь омлетик? – ласково спросила Икки.

– Хочет, хочет. И я хочу – с самого утра ничего не ели! – призналась Огурцова. – Сначала были на гимнастике, потом поехали на бега. Кузьке на таком малюсеньком пони дали покататься! – умилилась она. – Потом вернулись домой, но пообедать не успели (опаздывали в художественную студию), а после фигурного катания сразу сюда.

– Огурцова, с тобой что-то не то происходит! Это я тебе как врач говорю! Такому малышу нужен режим, а ты его целый день таскаешь по каким-то студиям и секциям! – возмущалась Пулька.

– Во-первых, ты не педиатр, а гинеколог, а во-вторых, роди своего и делай с ним, что хочешь! У меня сейчас одна цель – отыскать у Кузьмы какой-нибудь талант, чтобы он мать на старости лет обеспечивал! – выдала Огурцова, в то время как Икки изо всех сил дула на ложку с омлетом.

– Я сам! – крикнул будущий кормилец и выхватил у Икки ложку.

– Правильно, нечего его баловать, пусть сам ест!

– А мама – слюха, такую-то мать! – вдруг брякнул Кузьма с набитым ртом.

– Что? Что ты сказал? – наострила уши почтенная мать семейства, подумав, что ослышалась.

– Слюха и плопойца, едлен батон! – проглотив омлет, отчетливо проговорило будущее дарование и незамедлительно получило по губам.

– Ах ты дрянь! Ну-ка вылезай! – И Огурцова, подняв чадо за руку и продержав секунды три в воздухе, потянула за собой в гостиную. – Свинья неблагодарная! Мать с ним везде мотается, покоя не знает, а он ее шлюхой обзывает! – и хлоп его по мягкому месту. А рука у Анжелки тяжелая, что у хорошего мужика.

– Слюха! – ребенок упрямо настаивал на своем.

Пулька с Овечкиным хохотали от души, а мы с Икки побежали за Анжелкой.

– Анжел! Ну он ведь не понимает, что говорит! Видимо, кто-то научил, а он повторяет! Не трогай ты его, он же совсем маленький! – уговаривала подругу Икки.

Огурцова стояла перед нами: ее толстые упрямые ноги, будто выросли в пол, чадо барахталось в ее руке, как жучок, перевернувшийся на спину, однако смелый мальчик Кузя не сдавался и вдруг как выкрикнет:

– Бьядь!

Почтенная мать семейства, побелев от ярости, опустила его на пол и отвесила ему крепкий подзатыльник. Кузьма наконец не выдержал и заревел, но сквозь слезы все же умудрился сказать:

– Все лавно плахая!

– Маша, тащи горох. Он у меня сейчас на горохе стоять будет! – сквозь зубы проговорила она.

– Анжел, ну прекрати! Его действительно кто-то научил этим словам! Что ты его коло-тишь, как боксерскую грушу, пойдем лучше чайку попьем, – сказала я, а Икки поспешила уве-сти ее подальше от ребенка. – Кузенька, посмотри, пока мама успокоится, вот на эти пальмы. У-у-у, какие деревья! Там живут настоящие драконы и маленькие розовые поросята. – Кузя мгновенно перестал реветь и, приоткрыв рот, кинулся к любимым хамеропсам Власа, отыски-вать настоящих драконов и маленьких розовых поросят.

– Нет, так непозволительно вести себя с ребенком! – наперебой возмущались члены содружества. – Что это за рукоприкладство!

– Вот рожайте своих и делайте с ними, что хотите, – заикнулась Огурцова. – А то больно хорошо все умеют советы давать! – Она разошлась не на шутку, и в этот момент вдруг зазвонил телефон. Я полетела в коридор.

– Добрый вечер! – приветствовал меня из трубки незнакомый мужской голос. – Можно попросить Марию Алексеевну Корытникову?

– Я вас слушаю, – растерялась я.

– Еще раз добрый вечер!

– Здравствуйте.

– Вас беспокоят с телевидения, ток-шоу «От меня нигде не скроешься». Может, смот-рели?

– Н-нет, я вообще редко смотрю телевизор.

– Конечно, вам некогда – вы ведь знаменитая писательница! Не так ли? – радушно спро-сил незнакомец.

– Пишу. – Я никак не могла понять, что от меня хотят, а человек на том конце провода, вероятно, никак не мог признаться, что ему надо, и все ходил вокруг да около. Я не выдержала и спросила: – А почему, собственно, вы ко мне обратились?

– Мария Алексеевна, не могли бы вы почтить нас своим вниманием и прийти на пере-дачу? Тут, понимаете, такое дело... – снова замялся он. – Короче, вас разыскивает сестра. Она обратилась к нам на передачу, чтобы мы помогли ей вас найти.

Я молчала. С минуту я вообще ничего не могла понять. Какая сестра? Откуда она взя-лась? Может, у моей родительницы есть еще куча незаконнорожденных детей, которых она сдала в детский дом?

– Что? – просипела я.

– Ваша сестра вас разыскивает – Ада Корытникова. Она очень хочет с вами встретиться. Вы не могли бы послезавтра подъехать на телестудию к четырем вечера?

Я снова замолчала – теперь я вообще ничего не соображала.

– Ну, так как?

– Да, да, конечно, – рассеянно проговорила я, и он продиктовал мне телефон и адрес.

Это и было второе совершенно невероятное и неожиданное событие в моей жизни. Нет, я бы сказала, фантастическое.

Я стояла у телефона и не могла прийти в себя, пока Пулька с кухни не позвала меня.

– Что-то случилось? – спросила Икки.

– У меня появилась сестра, – ошалело заявила я.

– Как?

– У тебя что, мама родила? Почему же вы скрывали? Не могли ко мне обратиться?! – обиделась Пулька, и я слово в слово передала телефонный разговор с незнакомцем из ток-шоу «От меня нигде не скроешься».

– Ой! А у меня мама так любит эту передачу смотреть! – возбужденно воскликнула Икки. – Там люди находят друг друга, а встретившись, так ревут, и весь зал слезами захлебывается, и моя мамаша тоже.

Потом мы долго гадали, откуда могла взяться эта сестра и где она пропадала столько времени, потом Икки проговорила:

– Просто замечательно, что у тебя появилась сестра! Родственная душа все-таки.

На что Пулька ответила:

– Еще неизвестно, что из себя эта родственная душа представляет.

– Небось аферистка какая-нибудь! – вынесла свой вердикт Огурцова, а Женька, грустно вздохнув, только и сказал:

– А я вообще сирота.

– Слушай, Маш, позвони этому мужику и спроси, можно ли взять с собой подруг на передачу! – воскликнула Пуля.

– Да, да, мы тебя поддержим!

И я позвонила мужчине с радужным голосом.

– Естественно, чем больше народу, тем лучше! Приводите всех своих родственников и знакомых! – обрадовался он.

– Вот и хорошо, – успокоилась Пульхерия.

– Что это там ирод мой притих? – опомнилась Огурцова, и мы все кинулись в гостиную.

Кузя стоял у пальмы и обдирал последние листья с четвертого хамеропса (три остальных он уже успел разделать под орех).

– Ты что ж, гад, делаешь?! – заорала Анжелка.

– Там нет ни поласят ни длаконов, – повернувшись ко мне, недоумевал Кузьма.

– Ну, значит, переехали на новую квартиру, – утешила я будущее дарование.

– Говорила же, нужно было его на горох поставить! Ну-ка, иди сюда, буду по рукам бить!

– Анжелка, прекрати! – разозлилась я.

– Девочки! Что ж я сию-то?! – спохватилась она. – Нам завтра вставать чуть свет и на музыку идти! Все, пока. На телевидение я приду. Пошли, изверг! – и она, схватив Кузю и коньки с галошницы, побежала домой. А с лестничной клетки раздавались Анжелкины возгласы: «Кто тебя таким словам научил? Говори! Кто научил мать родную обзывать?»

– Может, я неправа, но, мне кажется, Огурцовой нельзя доверять детей, – заметила Икки, а Пулька ее поддержала:

– Начнем с того, что ей рожать было противопоказано.

Все вдруг замолчали – каждый думал о своем, и вдруг Пульхерия как грохнет:

– Ой! Не могу! Представила Кузьму на лошади, в коньках, в хоккейном шлеме, с рапирой для фехтования в руке, в костюмчике для балльных танцев, играющим на флейте! Ой! Не могу! Ну и дура Огурцова! Уж лучше бы пить продолжала, чем так ребенка истязать!

Потом поговорили о моем отъезде в Буреломы. Члены содружества пожалели меня от всей души и, пообещав исправно навещать, уехали.

Влас не пришел в девять часов вечера, как обещал. Он не появился ни в десять, ни в двенадцать, ни в два... Ключ повернулся в замке лишь в шестом часу утра. Машину он так и не нашел, но зато напал на ее след, а когда вошел в гостиную и, увидев вместо широких, словно веера, сочных зеленых листьев торчащие в разные стороны неприглядные палки своих любимых хамеропсов, чуть было с ума не сошел.

– Ну, подумаешь, ребенок листочки оборвал! Что ж теперь, умереть, что ли?!

– Я смотрю, у тебя все легко и просто! Ребенок листочки ободрал – ничего страшного! А за ребенком смотреть надо было или вовсе не приглашать эту Анжелу! Прийти на свадьбу в медицинском халате вместо подвенечного платья, которое ты выбирала месяц, – это тоже в

порядке вещей! Перепортить мне все книги в библиотеке, загибая страницы – какие мелочи! Стереть все мои документы в компьютере – сущие пустяки! – разошелся Влас.

Он еще что-то выкрикивал, а когда замолчал, я спросила:

– А зачем ты на мне женился, если я раздражаю тебя любым своим действием?

Я ушла в кабинет и снова вспомнила слова Лучшего человека нашего времени: «Он дурак – твой жених! Дубовый обыватель, которому не дано понять твоей тонкой натуры. Его всегда будет раздражать твоя несобранность и рассеянность. Наверняка он бесится, когда ты разбрасываешь вещи по квартире и понаклеила на всех стенах свои неповторимые плакатики-памятки...» (Плакатики-напоминания, правда, пришлось снять – они висят только у меня в квартире, которую Влас предлагает сдать, хотя теперь, когда мама отобрала у Николая Ивановича ключи от дома, отчим непременно потребует ключи от своей московской фатеры, и вполне возможно, родительница моя переедет туда, где я жила до свадьбы. Непонятно, почему он до сих пор этого не сделал. Наверное, растерялся.)

И мысли в голове побежали куда-то, наступая друг другу на пятки: я вспомнила свою прошлогоднюю безумную любовь. О том, как мы познакомились с великим писателем да еще и Лучшим человеком нашего времени – Алексеем Кронским. Потом я опять вспомнила его самого: высокий, статный, с зачесанными назад вьющимися светло-русыми волосами... Брови с изгибом, соболиные, почти черные; нос, чуть похожий на клюв хищной птицы, пронзительные зеленоватые глаза, хрипловатый голос...

Даже почувствовала запах его любимой туалетной воды...

Что-то больно часто я его вспоминаю! Нет! Подобные мысли недопустимы! Он изменил мне. И вообще я замужем!

И все же никто не понимал меня лучше, чем он. А как он меня называл! Моя кукурузница, моя уходящая осень, мой недоступный абонент, Марья-Искусница...

– Вот ты Маша обижаешься! – мысли были грубо прерваны Власом, который уже успел не то поужинать, не то позавтракать. – А ведь я прав! Прав на сто процентов! Почему ты молчишь?

А что тут можно сказать? Я считаю, если человек полагает, что он прав на сто процентов, не стоит мешать так думать, делая его при этом несчастным.

– Нет, вот ты ответь! Почему ты молчишь? – привязался он.

– Конечно, прав. Особенно сегодня с утра, когда изъявил готовность отвезти меня в деревню неизвестно на сколько, – не сдержалась я.

– Но, согласишься, твоей маме сейчас как никогда нужна помощь. Неужели ты была способна ей отказать? А в Венецию мы можем отправиться в любой момент! Ну, не дуйся, Машка! У нас ведь медовый месяц! А если честно, то я пошел на это только из-за того, что нам с тобой не помешает ни уважаемый мной Илья Андреевич, ни твоя мама, ни Овечкин! Никто!

Эгоист! «Хотя обижаться – глупо. Так не приобретешь никакого жизненного опыта. Нужно просто делать выводы из складывающихся ситуаций и поступков окружающих», – решила я и повалила Власа на кожаный диван, на котором он моментально заснул.

Шестой день медовой недели. Пятница.

На следующий день Влас снова отправился по следу исчезнувшей машины, оптимистично крикнув напоследок:

– Не переживай, Маш! В деревне мы наверстаем упущенное! Там-то ничто нам не сможет помешать! Дай только расквитаться с Ильей Андреевичем! Тогда держись – до смерти залюблю!

Я же решила поехать к себе домой, подсобрать вещи для поездки в Буреломы. Не успела я открыть дверь, как раздалось: «Д-зззззз-дз-дз!» Громко и ясно. Вот что значит мой телефон! Не то что там какое-то «пр-пр»!

– Машенька, здравствуйте. Это Иван Петрович, Анжелин папа, вас беспокоит.

– Доброе утро! – Я была удивлена – Анжелкин отец последний раз звонил мне, когда мы учились с ней в десятом классе, узнать, правда ли его дочь у меня и действительно ли готовится к экзаменам.

– Не знаю даже, как вам сказать... – замялся он. – Можно я зайду к вам через полчаса? Я отпрошусь ненадолго из церкви. Мне очень нужно с вами поговорить.

– Да, да, конечно.

Интересно, о чем это он собрался со мной говорить? Наверное, об Анжеле. Хотя с чего бы это? Пить она вроде прекратила...

«Д-зззззз-дз-дз!» Ну, началось! Не успела я появиться дома, как звонок за звонком:

– Здравствуй, моя уходящая осень, – печально проговорил Кронский. – Тебя можно поздравить? Теперь ты действительно ушла от меня навсегда?

– Леш, ты только не расстраивайся, но я правда вышла замуж.

– За этого надутого индюка?

– Никакой он не индюк!

– Ты сделала очень большую глупость! Наверное, самую большую в своей жизни!

– Перестань. Я бы сделала ошибку, если вышла за тебя!

– Дудки! – воскликнул он. – А я ведь что тебе звоню...

– Что?

– Попрощаться. Я уезжаю. Надолго.

– Куда? – поразила я.

– Снова в Тибет. К монахам. Лечиться от импотенции и страсти к нездоровому сексу в общественных местах.

– Ты правда думаешь, что они тебе помогут? – удивилась я.

– Только они способны излечить меня, – уверенно сказал он и робко спросил: – Марусь, а можно я тебе позвоню, когда вернусь?

– Конечно, жалко, что ли!

– Спасибо, моя кукурузница, мой недоступный абонент! Знай! Ты самая лучшая в мире, и я всегда тебя буду любить!

Лучший человек нашего времени растрогал меня так, что я готова была расплакаться, но тут он обычным своим тоном весело сказал:

– Снегурочка моя, если этот дубовый обыватель, дурак твой, Отелло, будет тебя обижать, я приеду, ноги ему вырву! Ну, не скучай тут без меня! Пока!

И почему всегда одно и то же?! Стоит только Кронскому появиться в моей жизни, как в голове все переворачивается, и то, что для меня было нормальным прежде, кажется совершенно противоестественным.

В дверь позвонили. «Наверное, Иван Петрович», – подумала я.

Передо мной действительно стоял Анжелкин отец – он был с меня ростом, почти седой, в сером недорогом костюме и вишневом галстуке-селедке, модном годах в семидесятых, с вафельным тортом под мышкой.

– Проходите, пожалуйста. Сейчас будем чай пить.

– Машенька, я не займу у вас много времени, – проговорил он, протягивая мне торт.

Нечего сказать, Анжелкин отец сильно изменился (на свадьбе я как-то не обратила на это внимания): хоть он и был всю жизнь самым последним подкаблучником, но раньше глаза его горели, и он смешил при встрече все наше содружество. Теперь, кажется, ему было не до смеха – в глазах непроходимая печаль, даже уголки рта опустились, придавая лицу скорбное выражение.

– Да у меня вагон времени, так что можете не волноваться! У вас что-то случилось?

Иван Петрович робко присел на краешек дивана в кухне и сказал, пытаясь казаться веселым:

– Машенька, я к вам, собственно, пришел за советом, как к инженеру человеческих душ. Вы ведь писатель! Это может показаться странным. Я работаю в церкви и мог бы поговорить с батюшкой, но я тысячу раз уж говорил с ним.

– И что он вам советует? – спросила я, заваривая чай.

– Смирение и терпение. Но я, видимо, слишком слабый человек.

– А что случилось? С Анжелой сейчас, по-моему, все в порядке.

– Да что вы! Какой там в порядке! Кузю совсем измучила. Ничем хорошим это не кончится. Мальчик ругается матом, как сапожник!

– Его, наверное, кто-то научил. Не мог же он сам...

– Конечно! Анжела его и научила!

– Анжела?! – изумилась я.

– Ну, да. Придет, бывало, домой пьяная и давай браниться, и все это при ребенке, а дети в этом возрасте все впитывают в себя, как губки. Степаниду бросила! А ведь ей всего пять месяцев. Разве так можно? Михаил недоволен, как она с детьми себя ведет, да и с ним тоже. Знаете, он, кажется, вообще ее бросить решил и даже при мне пару раз ей этим угрожал – говорит, детей я себе заберу, потому что тебе доверить их нельзя, а сама, мол, колупайся тут, как хочешь.

– Но как же так, – растерялась я.

– А что! Его можно понять. Он работает с утра до ночи, приходит домой усталый, холодильник пуст, есть нечего. Анжела с Кузей по каким-то секциям мотаются, приходят позже него, ребенок плачет полночи, от перенапряжения заснуть не может. Степанида и вовсе у Лидии Ивановны живет. В общем, кошмар!

– Да-а, – протянула я.

– А Нина Геннадьевна наша... Та совсем помешалась, – шепотом сказал он, будто боялся, что жена может подслушать, но тут же глаза его загорелись, как прежде, и он неожиданно разразился диким хохотом. Сначала я подумала, что это у него нервный смех, но он никак не мог остановиться, хватаясь за бока. Я, глядя на него, не смогла удержаться и тоже залилась смехом. – Нет, вы не можете себе представить! – прыская, еле выговорил он. – Это ж настоящий крокодил! Ха! Ха! – Он буквально задыхался от смеха. – Ходит по улице, обмотавшись занавеской, на голове – макаронная фабрика! Ой! Хо! Хо! – У него, кажется, начались кишечные колики. – А веки! Веки! Зеленкой мажет! – Иван Петрович постепенно успокаивался, но с мелкими смешками продолжал: – На запястья какие-то браслеты повешала из зубов – настоящих, человеческих. Я спрашиваю, откуда, а она... Знаете, что она мне ответила?

– Что? – давась от смеха, спросила я.

– Из стоматологической поликлиники. Представляете, она несколько дней околачивалась около хирургического кабинета и выпрашивала у дантиста выданные у пациентов зубы! Это

еще что! На зубах она не остановилась – у нее теперь новая причуда. Ходит на рынок и скупает парных кур! Дорогу-ущих! Потом режет их так ожесточенно, будто на разделочной доске перед ней не птица, а лютый недобитый враг, и она его с наслаждением казнит. Все бы ничего – пусть как хочет, так и режет, мне все равно, но от этих кур никому ничего не достается.

– Как не достается? Она из них ничего не готовит?

– В том-то и дело, что нет! Перед тем как надругаться над птицей, она отплясывает у стола какой-то бесовской танец и орет при этом на весь дом что-то нечленораздельное, а после того как исполосует курицу, берет малярную кисть, всю ее в крови измажет, и пошла стены кровью малевать. Всю квартиру изуродовала! Стены испохабит, курицу швырк в окно и приговаривает: «Лети, лети жертва! Да не отвергни жертву, о великий Дамбалл!» Одним словом, чертовщина!

Я пару раз выбегал за курами на улицу – один раз вовсе не нашел – не успел просто – видно, уж кто-то подобрал, а во второй – смотрю, старуха ее уже в авоську запихивает. Я говорю: «Давай сюда! Это моя курица!» А она: «Я нашла, значит, моя!» И мы сумку эту минут пять перетягивали друг на друга, потом я отпустил, потому что стыдно стало – до чего ж это я, верующий человек, опустил! Но опять неувязочка вышла: старуха-то не ожидала, что я авоську отпущу, да как грохнется на землю. Я бежать! Вот скажите, как можно жить с такой женщиной?!

– Но вы столько лет были вместе... И потом, вы, наверное, любите ее? – Я не знала, что еще сказать.

– Да она разучилась понимать русский язык – она меня вообще не слышит! Одни глупости делает. Вот уж третий день повадилась ходить к Курте своему – говорит, что он великий человек, что-то вроде гуру. А на самом деле его фамилия Задрыжкин. Он – рецидивист, пять раз сидел за хищение государственного имущества в особо крупных размерах.

– Кошмар! Ведь с ним и общаться опасно! – я всплеснула руками.

– Да... – задумчиво проговорил Иван Петрович. – Машенька, я у вас отнял столько времени, а ведь главного-то, зачем пришел, до сих пор так и не сказал. Понимаете, жить дома с каждым днем становится все невыносимее. Да я вообще чаще бываю у сватки, у Лидии Ивановны... Там внучка... И помощь моя требуется...

Я чувствовала, что Анжелкин отец никак не может выговорить, зачем он ко мне явился.

– Скажу прямо. Я хочу развестись с Ниной и жениться на Лидии Ивановне, – бухнул он и тут же принялся обосновывать свое решение: – Нас с Лидочкой связывает Степанида, будем жить вместе, растить внучку. Ведь девочка, если разобраться, никому оказалась не нужна. Правда, Лида адвентистка, но может, она согласится сменить веру. Что вы, Маша, на это скажете? Что посоветуете, как инженер человеческих душ?

– Ну... Э... – мычала я. – Может, все еще образумится, и у Нины Геннадьевны пройдет это увлечение, как и все прежние? Может, не стоит так быстро принимать решение. Ведь вы столько лет прожили вместе.

– Да, да. Но за то время, пока я общаюсь с Лидией Ивановной, я понял одну очень важную вещь. Оказывается, все тридцать три года, что мы прожили с Ниной, со мной никогда и никто не считался – ни она сама, ни ее покойная мать, ни даже моя собственная дочь. Я всегда безоговорочно делал то, что они все от меня требовали. У меня даже мысли не было сделать что-то им наперекор. Я был втянут во все увлечения жены! Даже мочу пил! – в ужасе воскликнул он, вспомнив пристрастие Нины Геннадьевны к уринотерапии. – А тут, понимаете, со мной считают, спрашивают мое мнение. У меня вдруг к пятидесяти пяти годам появилась свобода выбора!

«Да, допекли Ивана Петровича мать с дочкой капитально...» – подумалось мне. Я не знала, что ему посоветовать, и молчала. Но когда тишина стала невыносимой, я брякнула:

– А поступайте, как вам сердце велит.

– Спасибо, Машенька! Я как чувствовал, что вы поймете меня. Поэтому и пришел к вам! – обрадовался он, а я, тут же спохватившись и чтобы хоть как-нибудь исправить ситуацию, сказала:

– Может, вам не стоит меня слушать. У меня нет еще такого богатого жизненного опыта, чтобы давать советы человеку, который в два раза старше меня. – Я пошла на попятную, потому что почувствовала, что снова сделала что-то не то и подставила Нину Геннадьевну с Анжелкой. Утешало одно – сказала я то, что думала.

– Нет, нет, у вас, наоборот, как это говорят, еще незамутненный глаз. Спасибо. До свидания. Желаю вам удачи и творческих успехов, – сказал он и вышел от меня совсем другим человеком – окрыленным и свободным.

После его ухода я долго думала над нашим разговором и в конце концов пришла к выводу, что Иван Петрович уже давно все для себя решил, но, находясь столько лет под давлением жены, ему нужно было чье-то разрешение, и он его получил.

Я собирала вещи, а мысли мои блуждали от Ивана Петровича к Нине Геннадьевне с накрашенными зеленкой веками; от растерзанных кур к Кронскому; от Анжелки к Власу и, наконец, забрели в деревню Буреломы с перерытым огородом. «Нужно же позвонить Любочке и предупредить, что я уезжаю!» – осенило меня, и я немедленно набрала номер своего редактора.

– Здравствуй, Маша. Как новый роман?

– Любочка, я уезжаю.

– Куда? – напряженно спросила она и затаилась.

– В деревню.

– Это туда, где тебя похитили?

– Ну да. По семейным обстоятельствам.

– И надолго?

– На неопределенный срок.

– Это дурдом какой-то! – Любочка словно с цепи сорвалась. – Кронский на неопределенный срок отбывает в Тибет, ты – в деревню, у Мнушкина творческий кризис! Кабздецкий в запое! С кем прикажете работать?! Никто ничего писать не хочет! А мне за всех отвечай! Уволюсь! Надоели вы мне все! Напишу нетленку, прославлюсь и буду доживать на эти деньги! Катитесь все к чертовой матери! – выругалась она и бросила трубку.

«Опять обиделась. И отчего она такая обидчивая? Наверное, ей очень трудно приходится! У нее нет никакого жизненного опыта. Бедная Любочка!» – подумала я и запихнула в сумку ноутбук.

Вдруг я отчетливо услышала, как кто-то открывает входную дверь. «Воры!» – пронеслось у меня в голове. Однако это были не воры – через несколько секунд на пороге выросла мама с чемоданами и сумками.

– Ой! – испугалась она. – А ты что тут делаешь?

– Вещи собираю в деревню, – неприветливо ответила я.

– Правильно, только много-то не бери, там все есть. Заехала к Власику в автосалон, сказала, что я его теща, и мне дали машину с водителем. Такие учтивые у него подчиненные! Не зять попался, а золото! А где он сам-то?

– Ищет утерянный при перевозке из-за границы автомобиль своего коллеги.

– Добрая душа! – умилилась она. – Пошли, внизу еще тряпок полно.

На улице я увидела пять огромных тюков: мамаше не хватило сумок и чемоданов, и она по старинке завязала все свои пожитки в простыни.

– Во как разрослась! – то ли с гордостью, то ли с сожалением заметила она и тут же пояснила: – Теперь старый развратник потребует ключи от своей хибары, так что мне нужно быть во всеоружии.

Квартира моментально заполнилась, сразу стала какой-то маленькой... да и вообще не квартирой, а вокзалом, или как будто в нее вселился цыганский табор.

– С самого утра на ногах! И все сделала! Карл Иванович просто прелесть! Так помог мне! Так помог! Короче, через десять дней готовые документы будут у меня на руках, а через две недели я уже буду расхаживать по Дойчланд. Жаль, что языка не знаю, но ничего, я общительная, так что не пропаду, – мама говорила и говорила. Она была абсолютно счастлива и совершенно, казалось, забыла об измене супруга. Теперь у нее появился просто прелестный Карл Иванович, который несказанно ей помог, но настроение ее тут же испортилось, когда она узнала, что у меня неожиданно появилась сестра.

– Какая еще сестра?! Что за глупости ты несешь! – и я передала ей вчерашний телефонный разговор с представителем передачи «От меня нигде не скроешься».

– Это твой папаша-кобель постарался! – разъярилась она. – И неужели ты пойдешь? Неужели тебе интересно, кого наколупал этот подонок!

– Пойду, – спокойно заявила я. – И девочки с Овечкиным пойдут.

– Ты мне не дочь! – взревела она. – Как ты можешь?! Все меня предают! Вокруг одни продажные шкуры! Ты правда пойдешь или просто издеваешься над больной, немощной, покинутой женщиной?

– Пойду, – повторила я.

– Вот так вот! Кормишь-кормишь, растишь-растишь, а потом бац – «вторая смена»! И мать не нужна! – причитала моя родительница и вдруг проронила так, между делом: – А я тоже пойду. Когда идти-то говоришь – к четырем? Я пораньше подъеду.

Спустя пять минут мама уже обзванивала всех, кого можно было обзвонить, а через полчаса все: Мисс Совершенная Бесконечность, Олимпиада Ефремовна, близкие мамашины подруги, а также подруги этих самых близких подруг, знакомые и знакомые знакомых – все знали, что у меня появилась сестра. Моя родительница с упоением рассказывала всем и каждому эту сногшибательную новость. Причем говорила она всем одно и то же и с одинаковой интонацией:

– Нет, ты себе можешь представить, Галь! У моей Машки объявилась сестра! Откуда, откуда! Этот селадон постарался! Ага, Галь! И я про то же: наклепать-то – дело нехитрое! Может, у него там целая футбольная команда?! И что ж теперь моя дурочка должна со всеми знакомиться? Конечно, Галь! Вот и я о том же говорю – узнала, небось, что сестра в люди выбилась, стала знаменитой писательницей, и на тебе – сразу отыскалась. Где ж ты раньше-то была?! Да, на телевидение поедem. В чем пойду? Не решила еще. Ты думаешь, в костюме цвета лотоса? По-моему, он меня полнит. Ну и что же, что освежает, зато я в экран не помещусь! Нет, этот вариант отпадает, – ну и далее в том же духе.

Вечером я уехала домой, а мама, вытряхнув все из тюков, сумок и чемоданов, скрупулезно выбирала, в чем бы ей завтра блеснуть на передаче «От меня нигде не скроешься». Теперь в квартире и плюнуть было некуда, будто сюда прикатили с гор жители сразу пяти аулов, захватив имущество, накопленное за всю свою жизнь.

Влас снова явился под утро, заверил меня, что завтра-то он уж точно найдет эту чертову машину, и, сказав, что смертельно устал, прямо в костюме заснул на диване в гостиной.

Седьмой день медовой недели (он же последний). Суббота.

В полчетвертого вечера все приглашенные и не приглашенные, а просто желающие засветиться по телевизору, столпились возле телецентра. Не считая членов содружества, среди них оказались моя мама, Галя Харитоновна – ее подруга лет шестидесяти, с необъятным проблемным бюстом двенадцатого размера, для которого она собственноручно наловчилась шить лифчики из огромных хлопчатобумажных панам. Напросилась Людмила Александровна (мать Икки), как истая любительница передачи «От меня нигде не скроешься», прискакала зачем-то и Нитра с намазанными зеленкой веками, в несуразной хламиде и с макаронной фабрикой на голове, также заявила Пулькина родительница – Вероника Адамовна и...

Подъехала машина. Из нее с помощью Власа выбралась Олимпиада Ефремовна, потом открылась задняя дверца, и сначала одна распухшая нога в старом растянутом с продрысью шерстяном носке нащупала твердую землю, затем другая в таком же старом, но иного цвета... Потом показался обстриженный в виде закругленных лепестков подол белого синтетического платья в катышках из-под коричневого болоньевого пальто... И на площадке появилась Мисс Бесконечность.

– Машка! Я нашел эту проклятую машину! Сегодня ночью держись! – с восторгом воскликнул Влас и шепотом добавил: – Кажется, никакого дефекта во мне больше нет! – Я на радостях повисла у него на шее и расцеловала в щеки.

– Я ведь говорила, кто ищет, тот всегда найдет! И еще, я так счастлива, что у тебя все прошло, – крикнула я и, подлетев к бабушке, изумленно спросила: – А ты что тут делаешь? Ты ведь под домашним арестом! Как тебя отпустили-то?

– Это я Верунчика позвала, – с гордостью сообщила мне Олимпиада Ефремовна. – Она тоже захотела побывать на телевидении, и мы с Власом заехали за ней. А мне Жорик отказать не посмел!

Мисс Бесконечность молчала, поджав губы, только глазки ее беспокойно бегали.

– Тебя в этих позорных носках не пустят! – сказала я, и в эту минуту к нам подошла мама.

– А ты-то что здесь делаешь? – задала она бабушке тот же самый вопрос, что и я. – Поприличнее не могла одеться?

– Вы почему обе без головы? – вопросом на вопрос грозно ответила старушка и возмущенно прогремела: – Не май месяц! – после чего снова поджала губы и замолчала.

«Она наверняка что-то задумала, иначе не приволоклась бы сюда со своими отечными ногами, которые не влезают ни в одни тапки. Да еще молчит как рыба! Это на нее совсем не похоже. Точно что-то затеяла!» – пришло мне в голову, и тут я обратила внимание, что Нитра с Вероникой Адамовной стоят в сторонке от общей группы и что-то горячо обсуждают. Это тоже показалось мне в высшей степени странным. Что могло связывать гоголеведа и вудуистку? Какая у них может быть общая тема для разговора?

– Пойдемте внутрь, а то опоздаем еще! – предложила Пулька, и Мисс Бесконечность вдруг забеспокоилась, засуетилась. Она сейчас напоминала таракана, который в бешенстве мечется от струи отравляющего аэрозоля в надежде спастись. Наконец, затесавшись где-то в середине нашего разномастного «стада», старушка успокоилась. В этот момент ко мне подошел Влас и сказал, что подождет меня в машине.

Охранник не пускал нас внутрь здания до тех пор, пока к нам не спустился мужчина лет сорока, весь какой-то негибачеый, будто палку проглотил, и не спросил:

– Кто пришел на съемку передачи «От меня нигде не скроешься»? Помимо нашей оравы на популярную телепрограмму пришло еще человек двадцать, которые немедленно присоеди-

нились к нам, и мы, гурьбой, миновали охранника (Нитра при этом победоносно задрала голову с торчащими косицами в разноцветных резиночках, а Мисс Бесконечность показала блюстителю порядка язык, правда, когда уже очутилась за турникетом) и отправились в мир грез.

Сначала мы шли по просторному вестибюлю, потом поднимались на скоростном лифте и в конце концов запутались в лабиринте нескончаемых коридоров. Время от времени то Иккина мамаша, то Галя Харитоновна, то Мисс Бесконечность, увидев какую-нибудь знаменитость, в неопишемом восторге, граничащем с истерическим фанатизмом, кричали:

– Смотрите! Это ведь он ведет «Лохотрон по субботам»!

– А этот, смотрите, смотрите, из «Поле умников»!

– Ой! – завизжала Людмила Александровна. – Это ж сам Палкин! – И она кинулась за автографом к художавому мужчине с отросшей стрижкой.

Я же не смотрела по сторонам, а все внимание сконцентрировала на примкнувшей к нам внизу группе женщин (мужчины сейчас меня мало интересовали) и все гадала, кто из них может оказаться моей сестрой. «Не та ли толстушка в полосатом трикотажном костюме или хрупкая девушка в джинсах? Нет, наверное, вот эта симпатичная барышня в лиловом платье с распущенными волосами», – размышляла я, как вдруг увидела, что Мисс Бесконечность отстала от группы и, остановившись у последнего поворота, вдруг как заорет:

– Вот ты где! Думаешь, я тебя не узнала!

Я подбежала к ней; все, кто шествовал на передачу «От меня нигде не скроешься», обернулись, словно по команде и во все глаза смотрели на нас.

– Маш, это ж тот самый крендель в кожаных портках из рекламы! Помнишь, который хватал себя за причинное место, а потом шел девок целовать! Я еще письмо в Министерство культуры писала, чтоб эту поганую рекламу запретили! А он тут до сих пор расхаживает! Охальник! Тьфу! – и она по-настоящему плюнула, причем плевок вышел такой смачный и далекий, как у верблюда, что долетел до «охальника» – мало того, шлепнулся прямо на ширинку его светлых брюк.

– Пошли отсюда быстрее! Ты хочешь, чтобы нас выгнали? – И я поволокла ее по коридору к ошеломленному стаду участников передачи «От меня нигде не скроешься», пока «крендель» не успел понять, что произошло.

– Нет, я все-таки хочу выяснить, – настаивала она, – почему на мой сигнал не отреагировал министр культуры? Почему его до сих пор не выгнали?! Или, может быть, мое письмо еще не дошло? А? Как ты думаешь, Машенька? – смиренно спросила старая хулиганка.

– Может быть, может быть, – торопливо ответила я, запихивая Мисс Бесконечность в самую гущу группы.

– Как безалаберно работает наша почта! – возмущалась она. – Обязательно напишу письмо министру связи!

Наконец мы вошли в так называемую студию.

Это был большой зал с уходящими вверх, к самому потолку, стульями, разделенный яркосиней перегородкой на две части. На сцене, внизу, стояло четыре круглых столика с креслами, тоже яркосиними, и провода, провода, провода.

– Рассаживайтесь с левой стороны, – мягко приказал нам мужчина, «проглотивший палку». – А Мария Алексеевна Корытникова здесь? – осведомился он, и мама с гордостью посмотрела на меня, а потом обвела высокомерным взглядом всех присутствующих – мол, мою знаменитую дочь и на телевидении все знают!

– Да! Да! Я тут!

– Очень хорошо. Вы готовы к встрече с сестрой?

– Ну, да, – растерялась я.

– Очень хорошо, – повторил он. – Ваша очередь третья...

– Что? – не поняла я.

– До вас будет еще две встречи. Понимаете? – терпеливо объяснял «несгибаемый», но в душе, кажется, бесился – слишком уж детально он растолковывал мне то, что для него было совершенно ясным и само собой разумеющимся.

– Да, конечно, понимаю, – поспешила заверить я его.

– И потом, когда увидите свою сестру, непременно пустите слезу. А это что за старуха? – спросил он, указывая на Мисс Бесконечность, которая никак не могла выбрать себе стул. – И почему она в носках?

– Это со мной, – подсустилась я.

– Ну, ладно. Только пусть ни в коем случае не садится на первый ряд. Подальше, подальше, чтобы ног не было видно в кадре. И пусть снимет пальто с платком. А это что еще за образина? – прошептал он, имея в виду Нину Геннадьевну, которая уже сидела рядышком с Вероникой Адамовной на самых лучших местах. Они все продолжали что-то бурно обсуждать, оживленно жестикулируя.

– Почему это образина?! – хоть и выглядела Анжелкина мать престранно, но мне вдруг стало обидно за нее. И вообще, какое он имеет право обзывать?! – Это тоже со мной!

– Ну, хорошо, хорошо, – раздраженно проговорил «негнущийся», будто тем самым решил Анжелкиной матери присутствовать на программе, и громогласно произнес: – Минуточку внимания!

Однако его никто не замечал. Людмила Александровна то и дело твердила: «А в телевизоре все не так! Эта студия кажется такой огромной! На самом деле она значительно меньше». Икки с Овечкиным продолжали штудировать три формы глаголов сильного спряжения немецкого языка, рвякая наперебой: «Брингт-брахте-гебрахт!», «клингт-кланг-геклунген!» Огурцова лузгала семечки, выплевывая шелуху на пол, а Пулька с подозрением и беспокойством наблюдала за разговором своей мамы с вудуисткой.

– Можно минуту вашего драгоценного внимания?! – теряя самообладание, прокричал «проглотивший палку». Все подняли головы и уставились на него – они напрочь забыли, где находятся, и не понимали, что этому человеку от них вдруг понадобилось. – Итак, попрошу тех, кто впервые присутствует на нашей программе, постоянно следить за сменой надписей в верхнем правом углу и выполнять то, что там будет написано. А также вам всем сейчас раздадут по дольке луковицы, и когда в верхнем правом углу будет написано «Плакать!», незаметно поднесите ее к глазам и вызывайте слезы! Марья Алексеевна, если вам не удастся пустить слезу при встрече с сестрой, тоже поднесите к глазам лук, но очень осторожно – вы у нас идете крупным планом. Советую завернуть кусочек в носовой платок, – порекомендовал он и перешел к той части зала, которая была отделена от нас перегородкой, вероятно, для того, чтобы провести с ними подобный инструктаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.